

СМЕНА

20

1961

ИЗДАТЕЛЬСТВО «ПРАВДА»

«ПАРТИЯ РАССМАТРИВАЕТ МОЛОДЕЖЬ КАК СОЗДАТЕЛЬНУЮ, ТВОРИЧЕСКУЮ СИЛУ В БОРЬБЕ СОВЕТСКОГО НАРОДА ЗА КОММУНИЗМ».

Из проекта Программы Коммунистической партии Советского Союза.

(Б Е } Д СТРОИТЕЛЕЙ КОММУНИЗМА

Весь мир с пристальным вниманием следит за работой исторического XXII съезда Коммунистической партии Советского Союза — съезда строителей коммунизма. Съезд открылся 17 октября в Москве, в Кремлевском Дворце съездов.

В повестке дня съезда: отчет Центрального Комитета КПСС — докладчик Первый секретарь ЦК КПСС тов. Н. С. Хрущев; отчетный доклад Центральной Ревизионной Комиссии КПСС — докладчик председатель Центральной Ревизионной Комиссии тов. А. Ф. Горкин; проект Программы КПСС — докладчик тов. Н. С. Хрущев; об изменениях в Уставе КПСС — докладчик секретарь ЦК КПСС тов. Ф. Р. Козлов; выборы центральных органов партии.

СМЕНА

Литературно-художественный
и общественно-политический журнал
Центрального Комитета ВЛКСМ

20

ОКтябрь
1960

Лучшие люди страны — представители десятиmillionной армии коммунистов — обсуждают на съезде важнейшие вопросы нашей жизни, намечают пути в коммунистическое завтра.

Вся работа XXII съезда родной партии озарена животворными идеями марксизма-ленинизма, пронизана революционным ленинским духом.

Советские люди, все передовое человечество вместе с делегатами съезда горячо аплодируют нашей партии — авангарду народов в борьбе за мир и социальный прогресс, за светлое будущее — коммунизм.

Фото С. РАСКИНА.

Жозеф А. ФОНДЕМ,

студент Университета друзей
народов имени Патриса Лумумбы

Символ жизни

Призрака нет и следа:
Коммунизм — в дымяхе плаветы.
Им наши руки согреты,
Уборные руки труда.
Обещаны — легкое дело.
Победа — только в борьбе.
О зра Прадам!
Дружба и смелость
Проблают дорогу к тебе.

Ленин — в каждой строке
Программы.

Ленин жил
Во имя великих свершений.
Мы — продолжатели.
И вечно с нами
Ленин.
Ленин.
Ленин.

Так пусть же свлятся те,
Кто верен светлой мечте.
Так пусть же свлятся те,
Кто в бою,
В движении,
В труде.
Их маладонны — строщих
Величественное здание.
Правда падает в Завтра
Без посоха и без виз.
И это Завтра настает.
Потому что наше оружие —
Марксизм-ленинизм.

На Западе — волаи,
Они сганют от Злоб.
В их арсеналах шантаж,
Провокации,
Зло.
Иные — растерянные и
твердообые,—
Как струсы, пречут
Головы под крыло.

Марксизм-ленинизм!
Быльи его торжества!
Марксизм-ленинизм!
Он необлетен, как море.
А волаи! Им остается
Бессильная ярость вой,
Крокодильи слезы.
Ах товарищи мои Истории...
Марксизм-ленинизм! Ты песник моя,
Ты символ жизни,
Ключ к свободе и братству,
Ты наша гордость,
Ты — вечный мекс!
Так веди, побеждай и здравствуй!

Марксизм-ленинизм!
Ты народы весны.
Ты тогда гитла,
Ты — небо чистое.
Так пусть же вечно живут имена
Твоих сынов —
Коммунизм.

Перевод с английского

К. ЗАМОШКИН.

РАДОСТЬ
РАБОТЫ

День 17 октября войдет в историю. В древнем Кремле, в новом огромном, светлом зале заседаний, откроется XXII съезд Коммунистической партии Советского Союза — съезд строителей коммунизма. Один за другим поднимутся на высокую трибуну лучшие из лучших — избранные многомиллионной партии. К их словам будут внимательно прислушаться и друзья и враги во всем мире.

Нынешнее поколение советских людей будет жить при коммунизме!

Так и хочется написать эту строку стихами, мощными, набатными, как писал Маяковский. На трибуну съезда будут подниматься ораторы. И каждый из них обратится к делегатам, ко всему народу: «товарищи!» Замечательное это слово — товарищи, полное глубокого смысла, понятное и дорогое каждому из нас. Все мы, советские люди, — товарищи, все мы строим коммунизм. И к сотням миллионов наших друзей и соратников за рубежом, людям, борющимся за счастье человечества, за мир, мы также обращаемся с тем же прекрасным словом — «товарищи!»

И мне вспоминается одна из ранних сказок Максима Горького, в которой рассказывалось о трудной жизни людей, но вот «в их жизни, полную глупой подавленной злобы, в сердцах, отравленных многими обидами, в сознании, засоренное пестрой ложью — мудрости сильных,— а эту трудную печальную жизнь, пропитанную горечью унижений, было брошено простое, светлое слово! — Товарищ!»

«И чем глубже смотрели они в светлую душу этого слова, тем светлее, значительно и ярче казалось оно им. — И чувствовали, что это слово пришло объединить весь мир, поднять всех людей его на высоту свободы и связать их новыми узлами уважения друг к другу, уважения к свободе человека, ради свободы его».

Есть слова более сильные, чем многотомные исторические исследования, слова-памятники, более выразительные, чем любые монументы. Сорок четыре года тому назад в нашей стране гордые слово «товарищ» смилило и навсегда ватесило из русского языка такие выражения, как «господина», «ваше благородие», «эй ты, человек!»

И с той поры на шестой части земного шара народилась новая мораль. Нормы поведения человека стали определять рабочие, крестьяне, интеллигенция, вышедшая из народной среды. Мы стали товарищами называть людей, с которыми иддем одной дорогой, к одной цели.

И тогда же началось превращение в жизнь

извечной мечты человека о лучшей жизни, началось построение еще очень тогда далекого коммунизма.

А сегодня партия Ленина торжественно провозгласила:

Нынешнее поколение советских людей будет жить при коммунизме!

Сбывается то, к чему стремились люди, за что гибли в царских тюрьмах, умирали в боях за революцию, ради чего строили Днепростр и Магнитку, шли в атаки против фашистской нечисти, ради чего недождали, недоспали, трудились не покладая рук.

Великий подвиг советского народа сделал возможным превращение светлой мечты в действительность.

Еще сегодня это был проект Программы, а завтра он станет утвержденным боевым руководством к действию.

Скупы строки проекта Программы радио. Всего несколько абзацев посвящено моральному кодексу строителя коммунизма, но с какой глубиной и полнотой намечены в нем черты нового человека! Двенадцать заповедей новой, светлой жизни — двенадцать важнейших нравственных принципов! Их помогли сформулировать подвиги, труд и бытие лучших сынов и дочерей Отчизны. Можно сказать, что в составлении морального кодекса строителя коммунизма участвовали Николай Стровский и Молодогвардейцы, Валентина Гаганова и Юрий Гагарин, удерники коммунистического труда.

Другими словами, все те, у кого личные интересы слиты воедино с интересами общества. Преданность делу коммунизма, любовь к социалистической Родине — первая из первых заповедей строителя коммунистического общества. И история Советской страны знает много ярких примеров такого патристизма.

Преданность делу коммунизма, любовь к социалистической Родине — первая из первых заповедей строителя коммунистического общества. И история Советской страны знает много ярких примеров такого патристизма.

Преданность делу коммунизма, любовь к социалистической Родине — первая из первых заповедей строителя коммунистического общества. И история Советской страны знает много ярких примеров такого патристизма.

Ее звали Тоня Стрелкова. Она была комсомолкой. Учила детвину в школе поселка Ворте, Еришского района. Когда гитлеровцы заняли эти места, она по заданию подпольного райкома пошла работать а коммандантуру. Тоня немного говорила по-немецки, у нее был хороший почерк, и девушка поручили заполнять паспорта. Молодая патристка снабжала бланками паспортов и пропусков партизан. Но в конце концов фашисты почувствовали что-то неладное. За девушкой была установлена слежка. Тогда она убежала в лес к народным мстителям.

В одной из стычек с карателями Стрелкова была равнина и пошла в плен. Страшной, дикой пыткой пылали ее плечи: ей отрубили один за другим пальцы, отрезали уши, нос. Тоня молчала, ни словом не выдала товарищей. Ей выкололи глаза, но не вырвали признание. У героини хватило сил и воли плюнуть в лицо лизовцу, накиннушему ей на шею петлю...

Так преданы делу коммунизма, так любят социалистическую Родину ее верные дети. Вторая заповедь морального кодекса строителя коммунизма гласит: добросовестный труд на благо общества: кто не работает, тот не ест.

Труд что может быть прекрасней труда человека, создающего коммунизм! И чем лучше человек трудится, тем шире открываются перед ним горизонты. Парень сегодня, к примеру, обучивает детали на токарном станке и мечтает о межзвездных полетах. И хоть это звучит парадоксально, но чем больше он дает деталей, тем меньше у него брака, тем ближе старт его космического рейса. Ведь в нашей стране ценят людей по труду. А человека, хорошо и много работающего, всегда заметят, поощрят, помогут ему. Знаю это по своим товарищам, по себе.

Мой друг Валерий Павлович Чкалов еще мальчишкой стал молотобойцем. Потом он плавал кочегаром на волжском пароходе. Когда юный Чкалов работал слесарем в аэропарке, у него родилась мечта о небе. Нальчики наотрез отказались направить его в летную школу: молод еще! За Чкалова вступился механик:

— Парень хороший! Не ленится! Руки у него к делу способные!
 — Не возмуть. Назад к нам направят! — возразил нальчик.
 — Не направят! — заявил тогда будущий летчик. — Я слышал в школе: аэропором надо рваться, аныры строить. А я могу работать!.. Возмуть меня в учеты!

Преславный летчик, Герой Советского Союза Анатолий Серов в начале своего жизненного пути был подручным сталеваара на уральском заводе. Он стремился в военное авиационное училище. Мастру не хотелось отпускать способного молодого рабочего. «Больно он смекалистый и не подкара» — говорил старший сталеваор о Серове. Однако его убедили, что смекалка нужна не только на земле, у мартера, но и в небе, на самолете. Он отпустил своего подручного: «Только и отпустило, что смекалистый».

Деять лет я шел от стана к самолету. Мой путь в небо начался в 1918 году — в безграмотной деревянной паренке, аступил добровольцем в Красную Армию. В воинской части мне поручили подвозить на телеге бензин к аэропланам. Я стал обзавестись и одновременно учиться в вечерней школе. Я старался изо всех сил, и меня вскоре пересадили с лошади на автомобиль. Стал помощником шофера (была тогда такая должность). Научили водить автомобиль, потом сдавали механиком по ремонту авиационных моторов. И наконец сбылась моя мечта — я стал летчиком.

Надо очень сильно стремиться к поставленной цели, много и упорно трудиться, и тогда любая мечта становится явью.
 Через труду — путь к счастью!
 И еще об одном пункте морального кодекса строителя коммунизма хочется здесь поговорить:

— Коллективизм и товарищеская взаимопомощь...

На своем долгом летном пути: и на трассах гражданской авиации, и в небе над льдами Арктики, и на трех войнах, в которых мне довелось участвовать, я убедился, какая это великая сила — взаимопомощь, товарищеская взаимопомощь. Но сегодня почему-то вспоминается эпизод, совсем не связанный с летной и боевой деятельностью.

Эта встреча произошла в Первоуральске, городе, неподалеку от которого стоит каменный

обелиск, — на одной его грани выбито слово «Барона», а на противоположной — «Азия». Когда-то на этом месте любимацк царя Петра жестокий крепостник Демидов основал небольшую заводошю, где вручную отливали железные трубы. Теперь здесь огромный новотурбинный завод, который ни обойдется за день. Отсюда удалят швеллеры со стальными трубами в города Урала, Сибири, Дальнего Востока, Средней Азии.

Словно зачарованный, ходил я по цехам гигантского завода, наблюдал, как раскаленные стальные болванки, извиваясь и шипя, словно отравленные змеи, перепрыгивая с валика на валик мощных прокатных станов, вытягиваются в длинные и тонкие трубы. Во время этого чудесного превращения их ни разу не коснулась рука человека — все делали умные и сложные машины.

Венером ко мне в номер заводской гостиницы пришли два молодых человека. Одного моего друга звали Валерий Быстров, другою — Юрий Яковлевский.

В тот вечер я и узнал историю их друбы — и она мне запомнилась надолго. Валерий когда-то был токарем-скоростником. Кончив вечернюю школу, он поступил в институт. Вначале было очень трудно учиться. И он пришел к выводу, что инженеря из него не выйдет, решил бросить институт и вернуться на завод. Тогда-то над ачерашним рабочим и явил шестфо его новый товарищ по институту Юрий Яковлевский, сын профессора, студент-отличник. И он и сам профессор решили помогать Валерию овладевать премудростями высшей математики и теоретической механики. Профессор здорово отчитал тогда Быстрова. Помню, мне очень понравилось, как он это сделал. Профессор наполнил один из ответов дикаяра на вопрос миссионера о том, как он хочет жить: «Чемнь много кушать, очень много спать, очень мало думать и работать».

— Это было в XVIII веке. А вы, советский молодой человек, передовой рабочий, трудо-

Адольф ДИХТЯРЬ

Хлеб России

Он был тяжелым,
 Колючий
 От шелухи овсяной,
 Хлеб с отставшей коркой,
 Горчичный и желвавый.
 Он был чудес чудесный,
 Тот хлеб обыкновенный.
 Мы жлиам им
 Да пестрой
 Треугольной,
 Военой.
 И к ржымк зпеламнам
 На песню мы бежали.
 Как взрослые,
 Тяжело нам
 Сладкая ружк жали.
 Мы песни вслух просили,
 Глазками хлеб просили.
 И зглядл наш черз стиду
 Сладаты выносили.
 Спастисом России
 Его, как боль, терпели,
 И хлеб нам выносили
 И песни пели
 О том,
 Как жовели,
 Как грязь, дорог месили,
 Как кровю поиливам
 Поая России.

Он нам хлеб давали
 И об одном просили,
 Чтобы мы не забывали,
 Как труден хлеб России.
 —Ваш труд на плечи лег нам,
 Ушедшие в бесмертье.
 Мечтало о хлебе легком
 Но смею и досмет к.
 А если кто забудет
 Простому хлебу цену,
 Мы всем народом будем
 Судить, как за измену.

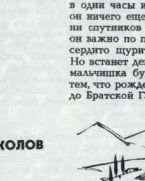

Борис СОКОЛОВ

Чувствие

Я был двухлетним и беспитанным
 и ничего не понимал.
 Я просто жиа — дыхла туманы,
 пиа молоко и хлеб жевала.
 Я просто жиа, а вез Отгнива,
 приподнимаюс тяжело,
 в преддверии социализма
 жила и трудилась светло.
 Она одна в небо встала,
 стряхнула с себя веков старье,
 недосмысла, голодаха,
 во дело доделаа свое.
 И мне слышиа немного странво,
 что и тогда существоваа
 что с первым пятилетним планом
 я потихонку подрастаа...

...А за окном палает осень
 желтолинейной красоты.
 И мне ведь только двадцать
 восемь.
 Все впереди — стихия, мечты.
 И в день, что солщнем весь
 прознаю,
 смотрю, смущен и удивлен,
 что бма я до социализма,
 до Днепротрза бма рожден!
 А где-то есть мальчишка рядом,
 путь научившийся ходить,
 ему пока что только два
 в один часа и есть и пить,
 он ничего еще не знает —
 ни сплутников и ни ракет,
 он важно по полу шагает,
 сердито пугает окружающих...
 Но встанет день, несной прознаю,
 мальчишка будет удивлен
 тем, что рожден до коммунизма,
 до Братской ГЭС еще рожден!

Евгений ГОЛЬСКИЙ

Лшь гляну на эти простору —
 и кажется, сердце змрмет:
 то влетаа кавказского горю,
 то виваа делового шпрот;
 да чм-то сродниа околоту,
 окрест распростраа тайга;
 да бурные реки-бувы,
 готовые смьть берега.
 И думаю я о России,
 отгадываюс с детства ей вест:
 лишь бма б в руках моих снам,
 а где разгуляться им — есть!

Александр МЕДУЩЕНКО

Воск

Сегодня мне вручили телеграмму,
 Поздравили:
 Зачислен в зинститут.
 Хотя канавы в цех бегу я прямо,
 Хоть трапичка вест тудна ведут.
 Начальник,
 Мастер,
 Кадровая,
 Касса —
 Леу из кабинета в кабинет.
 На обходной мой подлиса ложакса,
 Упрямю шторая: Долга нет.
 И автор каждой —радостен и
 света,
 Приветствуют в инстанции любю...
 Нието ни вях, шиверно, не замета,
 Какую ценность я беру с собой.
 Да, в лист не вынешшь трудовые
 годы,
 Открывшие мне жизненный секрэт.
 Она со мной,
 Я долгие их заводу,
 А говорят,
 За муюа долга нет!

стей испугались! — кричал на Валерия профессор.

Быстров остался в институте и кончил его с отличием.

— Уже год работаю здесь, в инструментальном цехе, — сказал мне Валерий. — И Юрий тоже.

— Ну, как вам работаете? — спросил я.

Инженеры, не так, рассказали о себе. Оказалось, что в цехе они поменялись ролями. «Теоретик» Юрий в заводской обстановке распрямился. Он не знал, как ударить молотком по зубуны, как наладить станок. Тут Быстров напомнил другу про дикаря и организовал по вечерам техникум для одного слушателя. Этим слушателем и был инженер Яковлевский. Каждый день до полудня молотком, зубуны и теперь Яковлевскому по токарному и слесарному делу можно присвоить чуть шестой разряд. Молодой инженер стал лучшим рационализатором завода.

Вот и вся беспроблемная история о двух студентах, ставших инженерами, о большой, взаимобогащающей дружбе молодых советских людей, о взаимной выручке.

— Человек человеку — друг! — еще раз повторяли мне на весь мир.

Мы все — товарищи!

«Отвечая классовую мораль эксплуататоров», — говорится в Программе партии, — коммунисты противопоставляют извращенным эгоистическим взглядам и нравам старого мира коммунистическую мораль — самую справедливую и благородную мораль, выражающую интересы и идеалы всего трудящегося человечества.

Совсем недавно в газете prominently сообщено о гибели английского корабля «Эубома». Несколько пассажиров и часть экипажа — сильные, опытные моряки — успели высидеть в большую спасательную шлюпку, где был достаточный запас продовольствия и воды. Но вскоре на шлюпку образовалась банда убийц. Озверев от страха, они по ночам сбрасывали за борт наиболее слабых. В шлюпку

высидели тридцать человек, а после трехнедельного плавания на берег ступило шесть одичавших убийц. Они действовали по законам волчьей буржуазной морали.

Наша группа — Зиганский, Поплавский, Федотов и Крюковский — тоже дни и ночи борлись с океаном. Но с какой заботой относился один друг к другу! Таким спланным коллективом можно перенести любые тяготы дрейфа!

Два мира — две морали.

Снова основ нашей морали: «Все во имя человека, для блага человека». Вот сущность Программы нашей родной партии, которая уверенно ведет нас к коммунизму, раскрывает перед нами научно обоснованные пути движения вперед, работает на решение прекрасных, величественных задач.

Коммунистическая партия — плоть от плоти трудящегося народа, выразитель его идеалов. Цель партии — цели народа.

В первом партийном документе — «Манифесте Коммунистической партии» — о коммунистах сказано: «У них нет таких интересов, которые не совпадали бы с интересами всего пролетариата».

Сто тринадцать лет спустя в проекте Программы КПСС мы читаем: «Партия существует для народа, в служении ему видит смысл своей деятельности».

Будьmais в эти слова, юный товарищ, сомневайся, аладший сын партии! Тебе докторовозовало, что ты родился в такое замечательное время. Ты будешь жить при коммунизме. Нам, советским людям старшего поколения, остается только по-хорошему завидовать тебе.

Но мы тоже счастливы: ведь коммунизм в большом и малом уже начинается сегодня. «Пройдут десятилетия, и человечество, оглянувшись назад, с восторгом будет вспоминать золотую осень 1961 года, когда из столиц СССР, с трибуны съезда строителей коммунизма, прозвучал призыв к Миру, Труду, Свободе, Равенству и Счастью всех народов нашей планеты!

Лариса РУМАРЧУК

Домашние вести

Вы с ним, наверное, знакомы, Вы с ним на дружеской ноге. Выходит утром он из дома В простом рабочем пиджаке.

Но мира трудные заботы Он на плечах своих несет. Хозяин фабрик и заводов, Вот он шагает от ворот.

Берет газету, точно птичку, Из чьих-то рук перед ларьком. Ее летящие страницы О чем расскажут и о ком?

За океаном злобный ветер И кто-то там войной не сыт. За все события в ответе Он —

партия великой сын.

Феликс ЛЕВ

Солбон АНГАБАЕВ

Наступающему дню

Как бы тебя оживить в беспредельности, день? Как бы тебя не женить на бездельности, день? Как бы, камнями добры и деревья рубя, не разобарить тебя, современности день?

Как тебя порыв угадать? Как предельный день, в экв обращении все мечты, мой стремительный день, чтоб ты не ждал до порыв обретенный в борьбе повзвещающий бас, теня чтоб ты порыв опущился в тебе каждый час.

Как бы хотелось мне, чтоб от морей до морей ты бы гремел по стране в силе тигриной своей, чтобы, победы трубя, подымая срывы, каждую в стране, отвечал за тебя, за твою красоту!

Перевел с буратского В. ЖУРАВЛЕВ

Сергей ПОЛИКАРПОВ

На ближних подступах

На дальних подступах к коммуне. Путиже затушев ремни, Отцы восторжело и юво Коваль нынцение дни.

Закрутку из табачной пыши Делв в обид в семерях, Они женту об влобьяле В сердцах мелевая своих.

Да будет пыл их вечно моаод! По пылым, созданным ЦК, Мы их мечту, как светлый город, Возводим прочно, на века.

Людогского счастья поапоунове, Мы предельная праздник твой! На ближних подступах к коммуне За коммунизм вершится бой.

Евгений АНТОШКИН

Оран

Мы в степи уже третий сутки. И воды и хлеба в озке. Сизый дым от шоферской

закрутки, Закрутки, встал до небес.

А крутом вековом раздале, Коваль подступают к ногам. Здесь почти с человеческой болью Стоковалась земля по плаугам.

Разведает только тихо руками — Мы беспомощны здесь и малы... И кохуют по ней влеками, Как цыгане, степные орамы.

Пыль аломитится, пыль алауктис. Эх, куда же нас черт занес? И бросаются в стороны птицы От машины из-под колес.

Грузовик наш задохос от пыши. Степь беа, как на небе луна. Да! В степи невозможно без

крыльев, Степь, она для орлов создана.

Но прядку сюда скоро дорога, Как до солнца, такой же дальны... Только будите при выборе стропы: Здесь крылатые люди жуны.

Я себя каждый день, Каждый час открываю, Будто из-под земли я себя отрываю, С изумленным галжу: Вот руга затруднилась, Вот сама по лицу жомеу покотнилась.

Вот на ложь промочала, Вот избила поадеца — Показалось уже выражение лица. Мож сердцами натягуа топкал инть —

Я учился любить, как учился хотить, Первых книг трудный пот, От работы усталость — До себя

мне совсем уж немного отсталось. Вот пилот приговоровал к пуску ракеты —

Это я! Я лечу на другие планеты. Это я! Как шахтер, продирился, в забое...

Видно, очень непросто становиться собою.

«МЫ ПО ДОРОГАМ»

В

самом деле, куда это сюда беретесь? Галя нацупала его руткой и достала крохотные зернышки. От волнения она не собрала, что молодая черноглазая женщина, которая отразилась в стекле вагона,— это она и есть, Галина Рыбалкина. Счастье, переполненное все ее существо, чудесно преобразило обычное восприятие вещей. Галя казалась, что люди, скланив в метро, отлично понимали ее состояние и тоже радовалась, иррационально улыбки.

«Площадь. Революция!» — торжественным голосом, тоже словно угадав Галины чувства, объявил из репродуктора невидимый мужчина. Гале, жмурясь от яркого света, шагнула в подземный зал. Ей казалось, что она не идет, а парит над полом. И все последующие дни Галя уже не оставляло это прекрасное ощущение — яркий свет, в котором с предельной ясностью видны все, даже самые далекие очертания...

Предъявля впервые мандат делегата съезда. Галя в сотый раз спросила себя: «За что же оказали люди мне такую честь? И, кажется, пошла: за то, что она точно такая же, как они, с теми же мечтами и максимами, с теми же чувствами и привычками. Посыла ее принимать новую Программу партии, обсуждать дела, важные которых нет на земле, они, эти люди, как бы присутствовали на съезде вместе с ней, твердо зная, что все будет так, как они хотят и как положено быть».

«Детство Галя вышло трудное. Когда ей было шесть лет, умер отец; а когда исполнилось восемь, началась война. Мать, одиш с тремя маленькими детьми, крутилась, как могла. Когда же стало совсем голодно, уехала за продуктами куда-то в деревню и... не вернулась. Больше всего боялась Галя, что придется ей переехать в дом к бабушке, что жила рядом. Это была богомольная, суровая старуха, всегда сердитая и неважделенная девица. Галя взяла к себе деду, бабки сны. Семья деду тоже была нехорошая, старомодная. Над Галиной впоперекся галстуком, над потерями по математике поносились. Было обидно и горько. «Учись, старайся! — грозилась тетка. — Один конец — работать пойдешь...» И работа, о которой всегда говорили со здравством, казалась ужасной и страшной. «Не пойду, ни за что не пойду на фабрику», — шалака Галя по ночам в подушку и вспоминала стихи, которые любила особенно за то, что их не учили в школе:

Ребята гадают загадки.
Как ладно и правильно жить:
Или по дорогам неглядным
И чьим паровым без оглядки,
Как пули, дучи и стрелки...

Ей именно так и хотелось — идти прямо и без оглядки.

Чтобы меньше зависеть от дядиной семьи, Галя пошла в артель — ишла авоськи после уроков. Это получалось у нее неожиданно ловко, так что самой было любо-дорого.

— Вот тебе, Галочка, и начало ремесла, — говорила ей добродушная толстуха, возглавлявшая артель. — Руки-то у тебя ровню у кружевницы. И голубка светлая. А, как говорится, не то дорого, что красного золота, а дорого, что доброго мастерства. Любит народ умелых-то...

Самая не замечающая этого, Галя бежала от домашнего дома и людей — в школу, гимнастический кружок, в толстуху в артель. И люди встречали ее добром за веселый нрав, за толковость, за то, что осталась одна на белом свете.

После окончания семилетки все-таки пришлось пойти на фабрику. Первый день, проведенный в цеху, был тяжким и грустным: все гудело, непонятно кружилось, лица у выальниц были замкнутые и, как ей показалось, насильственные. Возвращалась домой уже вечером. Сквозь напольную решетку промерзлого трамвайного окошка виден был синий снег с оранжевыми квадратами света. В это время

кто-то тихо тронул Галя за плечо. Оглянулась — ее любимая учительница по математике, Александра Петровна.

— Ну, как дела, Галочка? — стрякнявая снежинки с воротника, спросила она.

— На фабрику пошла, — как можно спокойнее ответила Галя и вдруг совсем неожиданно для себя уткнулась носом в отворты пальто Александры Петровны и зарыдала, как малый ребенок: «Шу-ум там, тоска-а...»

Гале хотелось сказать, что она мечтала сделать что-нибудь такое замечательное, чтоб всем сразу стало легко и радостно жить, чтобы была умнее сделать. А фабрика выпускает

Фото в. МИШИНА.

всего-навсего... мужские носки. Но она постеснялась сказать все это Александру Петровичу, потому что та могла ее неправильно понять. А Александр Петрович все глядела ее косички и шептала:

— Эх ты, человечек мой глупенький. Мне бы твои шпательдасть лет. Счастливо у тебя столько вперед, а ты рвешься... Кто ж тебе мешает?..

Наступила весна, и не успела еще зацвести вишня в маленьком дворике, а Галя уже было смешно и неловко вспоминать смену в трамвае. Люди на фабрике на самом деле оказались добрыми и хорошими, сколько ей открыли. И наступил день, когда машины отогнали перед Галей все свое несложное дело, и она полюбила их.

Ишь, смотри, Галиночка скоро всех нас обгонит,— говорили теперь работницы.— Мал золотник, да дорог. Рук-то у ней и впрямь золотые...

Стоит в ряд вязальные машины, сбоку точ-в-точь маленький бидончик с дыркой. Знач — крышка бидончика отодвигается, принет, мол, хозяйка, изволь заправить станок. А вот заправить — это и есть самое трудное. На металлическую гребеночку надо надеть резинку будущего носка; на каждую дырку одну петельку. На зубчик петельку на зубчик петельку, и так это всеместесть восемь раз. Если один раз промахнешься, спустишь одну петлю — пойдет дырка по всему носку. Называется эта операция «надевание ластика», и требует она от работницы огромной быстроты, ловкости, хорошего зрения. Потом начинается таинственная возня игл, после которой выписывается из дырки «бидончика» белая пена носка. Теперь его только — распилать на руке: нет ли какого дефекта.

Кстати, насчет дефектов. Нет у Гали такой случай, но это уже позже. Пошла в ГУМ, купить мужу носки. Разогарачивать пару, а как спрыс: лавно утешение пражки. Для постороннего глаза, конечно, вовсе незаметьного, а Галя сразу будто увидела, как это произошло: с боковой бобины, похожой на выстоявшую лампу под белым абакуром, как точачиная стружка, вылезает нить. И вот сосок... Не нравится — возьмите другую пару! — с высокомерной снисходительностью к капризам покупателя стала проваливаться. «Нет-нет, мне именно эту!» И Галя поглубже судила испорченные носки в сумочку, чтобы никому не попалась. Хоть и не своя фабрика, а стыдно.

Вскоре в цехе появилась «молния»: «Галина Шиндулина встала за шесть машин вместо четырех».

Теперь уже Галя оставалась seule работца, чтобы показать даже опытным вязальщицам свои приемы. Многодетная, тихая тетя Ноша никак не могла поспеть с ней в одну сумочку, так Галя приняла специально и парочку —

— Ласковая ты до людей,— растрогалась тогда Ноша.— Муженька бы тебе еще хорошею...

Ну, вот еще, Ноша, что придумаешь,— захлопала руками Галя,— некогда же.

У нее и впрямь не было свободной минутки: то комсомольские дела, то на воскресные люди поднимала.

Галю выбрали комсомольским секретарем фабрики. А это, ой, как нехорошо было секретарем такого большого коллектива, к тому же если ты ни за что не потерпишь, чтоб царил в этом коллективе тишь да гладь! Дел каждый день было просто по горло, и дела-то самые разные.

Однажды встретилась и ней Тая Тоболова:

— Галя, Сорманову с фабрики увольняют!

— Как увольняют, почему?
— Да должность приемовода сортировки... Увольняют человека. Увольняют потому, что закрывается штатная единица. Галя вспомнила тихую, застенчивую Сорманову и пошла к директору:

— Лев Давыдович, что же это получается? Неужто Сорманову, кроме как приемщицей, и работать нечем? У нее среднее образование, ей все поручить можно...

Разообрались и, разумеется, оставили девушку на фабрике.

Заглянула как-то Галя и в котельницкий. Смотрит, во всю стену лозуги вылиты: «Дамки за месяц 4 000 пар носков!» А цех davvero-давно делал 4 200. Тут же, прямо в веревке, Галя организовала рейд по выгладной Вязальце. Выбрались комсомольцы все старые, решили нечерем же сделать новые лозуги, диаграммы и монтажи.

И так каждый день — одно закончилишь, за другое берешься, да еще и своя работа не ждет.

Вступила в партию, Галя пошла в восьмой класс школы рабочей молодежи. Соседом ее по парте был темноволосый паренек, токарь с завода имени Ярославского, с виду серьезный и усидчивый.

И вот однажды он проводил ее до фабрики — Галя шла в ночную прямо из школы. Ей было смешно и как-то очень приятно смотреть, как Миша несет ее сумочку. Остановилась перед вывеской «Чулочная фабрика имени Вязальца».

— Здесь и работаешь?

Миша спросил так, будто не верил до сих пор, что она может работать вот в таком обычном здании и делать обычные носки.
— Конечно. Давай сумочку-то, а то еще опоздаю.

Он потоптался нерешительно.
— Давай вместе будем готовиться. Я там по геометрии не все понимаю...

Галя кивнула.

Ты чего-то сегодня все не своя,— допытывалась Галина.— Как же посмотришь, улыбаешься сама себе. Уж не влюбилась ли?

Да, она полюбила Мишу и вскоре вышла за него замуж. А когда у нее родился Коля, девочка с фабрики принесла цыгет, торты и расписочки, и все уперла, что и без нее уже наладил полнотружков, и провела воскресник, и будет делать рейд.

Матрена Кузьминична, свекровь, все топталась около внука. И стороной зорко наблюдала за невестой. Много переждала Матрена на Кузьминична, хлопочна на кухне, и сказала наконец:

— Ты вот что, Галина, не вришь. Я поспажу с хочником-то, достосмотрю. Иди, учишь: вижу по глазам, вывелась по учебно-то. Это раньше считали — добрая кума живет без ума. Да неверно считали. Смотрю, как любит тебя люди, какой тебе почет, сердце радуется. Я-то всю жизнь прожила все к старухи спомучу ближе да к сыночкам. А теперь пошла: и народу надо и нам, бабам, тануться. Ты уж учишь, я достосмотрю...

Десятый класс она окончила вместе с Мишей, и вместе их сфотографировали тогда в газету. К тому времени Галя и Коля Рыбалькина была уже не только одной из лучших работниц в районе, но и членом райкома партии.

Недавно в цехе снова появилась «молния»: «Галина Рыбалькина присплето звание ударницы комсомольского труда». Голодную программу Рыбалькина выполняла на полгорта. Берите пример с нашей лучшей работницы!»

— Вот тебе и наш Галочино, как высоко залетела! — радовалась вязальщицам. — Хорошему человеку за славою не богаты: сама и не умеет прыгать!

И только Галя Рыбалькина, смена с фабрики к сыну, от сына в библиотеку, так и не догадывалась, что к ней пришла слава. Как-то летом поподила и Галя мастер Чубарова.

— Слушай, Галя, а ведь план-то мы не выполняем. Только у меня на учете человек десять не хватает: все в отпуске. Что делать будем?

Галя и сама над этим не раз ломала голову: сруда поаучается — нехватка рабочих рук временная, а позор будет навеком. В конце недели она собрала коммунистов. Подумали вместе и постановили: выйти на работу в субботу и воскресенье. Комсомол, естественно, их поддержал, и все получилось просто отлично.

Этим летом случилось большая радость: их Сталинский район вышел в социалистическом соревновании на первое место в Москве. Значит, трудя не пропала даром. Не зря горячились Галя во время рейдов, отстаивая самые передовые методы труда.

И наконец произошло самое удивительное.

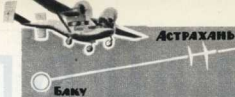
...Галя долго не могла понять, чему так алодирует зал, в котором шла партийная конференция, и почему все смотрит на нее. А поняла, с трудом поверила, что это ее, просту вязальщицу с чулочной фабрики, посылают делегатом на XXII съезд партии. Значит, все эти умные, работящие люди: и математик Александр Петрович, и мастер, назначившая ее надевать ластик на гребенку, и секретарь райкома, раскрасивший перед ней огромный мир партийной работы... все они, отдавшие ей кусочек чего-то самого лучшего в себе, должны быть, речито, что все это она приняла правильно и теперь ей очень многое можно доверить.

И вот теперь, получив мандат делегата XXII съезда, вызванная Галя вышла на Красную площадь. Было тепло. Там высотным званием у Москвы-реки горел красный огонь. Деревья в свете прожекторов казались таинственными и хрупкими, как театральные декорации. По улицам катились шумная людская волна. Страна жила на величайшем подъеме, что не мигнет ни одного человека. Смех казался звонче, девушки — гардион и живописней, площадь — по-майски торжественной.

Галя огляделась и увидела на противоположной стороне площади сына. Сын стоял, держа отца за руку, как большой, и восторженно смотрел по сторонам. Она помахала Колюшке кулачком в Кремле книжкой. А муж помахал ей тетрадками для конспектов: ведь теперь их мама — студентка Бауманского института.

Машины с горделивой неторопливостью плыли и плыли между ними, обиховывая мостовую своими крокодильими носами. Галя вся вывелась от нетерпения. Ее пронизывало острое, радостное чувство: она, простая работница, будет привлекать Программу строительства коммунизма. «Им бысь напрямик без оглядки, как плути, дучи и стрижки...» Нужно было немедленно сказать об этом своим мужичкам. И, не дожидаясь светового, Галя кинулась через дорогу. Постовой хотел свистнуть, но, взглянув в сияющие Галино лыно, понял, видно, откуда она идет, улыбнулся и почтительно ей козырнул.

БАКУ

ГЕЛЮТЪСЕЙ ДУШИ

«Коммунистическая система народного образования основывается на личном воспитании детей».

(Из проекта новой Программы Коммунистической партии Советского Союза)

БОРИС КЕВОРКОВ

Заметки секретаря района комсомола

Началось это не так давно, но уже захватило мысли, взволновало сердца, прочно вошло в жизнь комсомольцев Наримановского района. Жизнь. Она полна противоречий, борьбы нового со старым, сомнений. Как часто, начиная какое-нибудь дело, увлеченные им, мы вдруг останавливаемся и спрашиваем себя: а правильно ли мы поступаем? Для нас таким делом являлось новое назначение бригады коммунистического труда, новая заповедь разведчиков будущего: «Ты в ответе за своего младшего товарища — школьника».

Вначале много было вопросов. И как всегда, удивляет в том, что мы идем по верному пути, помоги нам самый надежный советчик, самый мудрый учитель — партия. Как недавно было нам в те дни, когда в печати был опубликован проект новой Программы Коммунистической партии Советского Союза, убедиться, что мы идем по правильному пути.

Ведь в том месте проекта Программы, где говорится о воспитании детей и народном образовании, будто угадываются наши сомнения и ответы на них вот:

«Переход к индивидуализму предполагает воспитание и подготовку коммунистически сознательных, высокообразованных людей... Система народного образования строится таким образом, чтобы обучение и воспитание подрастающего поколения было тесно связано с жизнью, с производственным трудом».

Еще раз подтверждалось, что тесная связь школы с производством определяет на многие годы развитие народного образования в нашей стране.

Связь школы и производства, шефская помощь предприятий школе... Сказать по правде,

это уже не новинка. Шефство над школами давно вошло в жизнь, стало привычным. Была такая помощь, такая связь и у нас. Однако работам нашего района, молодым рабочим, захотелось, чтобы она стала шире, бодрее.

Что обычно подразумевалось под шефской помощью?

Защита-шеф выделяла для школьников станки, инструменты и оборудование. Специалисты завода руководили производственным обучением ребят, прививали им первые трудовые навыки. И, наконец, шефы ремонтировали школьные помещения, вели строительство для школы. Все это, конечно, было делом хорошим и нужным. Но только ли это может дать завод школьнику?

В самом деле, подумайте только: что такое для нас школа и школьник? Кем станут эти внешне мамуляты через несколько лет?

Выдте весело переключившихся парней у проходной завода? Это они.

Выдте затертым, обветренным нефтяником у бакинских вышек? Это они.

А задранные лица, выглядывающие из мчащихся на целину теллушек? Это они.

А вынавшие цементам упорные строители? Это тоже они.

Люди, которым жить в коммунизме, — это они.

И ребята из бригады коммунистического труда Эрнеста Алиева и из других бригад, входящих в коммунистический труд нашего района все чаще стали говорить: мы в ответе за них, за этих ребят, за наших младших товарищей, за их воспитание.

Думать только о производственном обучении, как это было раньше, мало. Надо думать и о воспитании школьников в процессе производства, о том, чтобы, работая у станка, они становились не только специалистами — токарями и слесарями, но и хорошими людьми, людьми нашей, коммунистической закалки.

Так рождалась в бригадах коммунистического труда решенные найти качественно новые отношения завода и школы.

Началось это с того, что комсомольцы нашего района — крупного промышленного района республика — решили ближе познакомиться с жизнью школьников. Первым шагом были со-

вестные комсомольские собрания школы и заводов. Комсомольцы машиностроительного завода имени Шмидта провели собрание вместе со 193-й школой, ребята с Кишиневской завада — со 142-й, молодые рабочие ремеслазавода № 2 — со школой № 147.

Эти собрания прошли очень интересно. Потом заводские комсомолы и учащиеся стали проводить совместные вечера отдыха, экскурсии. А вскоре состоялся первый суботничок на уборке заводских и школьных помещений.

И все-таки сомнения у нас были: верно ли мы подходим к такому слиянию, не теряем ли?

Как раз накануне прочли мы в газетках обращение московской молодежи к молодежи подарили смедаи. И вот на вагономремонтном заводе, на том самом заводе, где работает бригада Эрнеста Алиева, состоялся партийно-комсомольское собрание. Там и решили: у бригады коммунистического труда должно быть своей постоянной заповедью отдавать тепло своей души подрастающему поколению, детям, и, главное, передавать им опыт, учить по-настоящему, коммунистически жить и работать.

На другой день весь наш район уже знал о собрании на ВРЭ. Инициатива комсомолов и комсомольцев нашего горячий отклик у рабочих заводов имени Шмидта, имени Калинина, Кишиневской, ремеслазавода № 2, железнодорожных мастерских, у строителей.

Честно говоря, нас все покачало мало гладко. Легко сказать: воспитание в процессе производства! На первых порах не очень-то валили школьники на это самое производство. Вот как встретили ребята из 157-й школы секретаря комитета комсомола строителуралания № 24 Алик Азмамудова.

Вызвал Алик блокнот, спросил:

— А ну, ребята, кто хочет на объекте поработать, записывайся!

Но желающих не оказалось. А ведь дружит эта школа со строителями давно, устроившись уже совместные вечера отдыха, спортивные встречи. И вдруг — никто не хочет идти на стройку. Наконец кто-то из школьников спросил:

— А что делать на объекте?

Алик подал к ребятам.

ИЗ БОРТОВОГО ЖУРНАЛА ПЕРЕЛЕТА

БАКИНСКИЙ СЮРПРИЗ

В полдень «Пичака» поднимается в воздух и берет курс на север. Отсюда, от южного участка аэродромной территории, из предосторожности «примажее» через весь Союз: пересечь дефьту Волги, пройти над казахстанскими степями, над седьмой Уралом, выйти к Архемельскому и Кондопожскому, перелететь из субтропиков в Заполярье... Сколько интересных встреч ожидает нас на этом пути! Однако в те минуты, когда самолет, набрав высоту, ложится на заданный курс, мы не думаем о предстоящих встречах. Мысленно мы

еще на заставе. Каждый из нас сожалеет, что встреча с лезвием каменным была короткой. Правда, мы многое увидели своими глазами; жизнь заставы раскрылась перед нами во всей ее суровости, жестокости красоты. Многие мы узнали только из рассказов воинов. А как хотелось бы на себе испытать, как примери, что такое «сифонная»! Так незаметно солдаты туман, обволакивающий горные кражи, — холодный, пронизывающий до костей туман, от которого едва зашквариваются глаза. Вдали, стот сорокарядная жара...

Прямо под нами тем же курсом — на север — убегают

лента шоссеиной дороги. Она сверкает на солнце и кажется ручьем расплавленной стали. По обеим сторонам от шоссе зельне садов и виноградников, распластанные привольнички земля, коври агнов и пастбищ, тоненькие прожухи арыков, несущих земле живительную воду.

Чем дальше на север, тем бледнее становится зельне. Буйный на юге, у горы разлив слабее, и все чаще тень «Пичаки» скользит по белесым да буйным привольничкам солончакских Суухи, жесткие травы — вот все, что растет на этой земле.

Впрочем, на ороенном пространстве, раскинувшись

на многие десятки километров, люди уже вступили в борьбу с природой. Мы видим, как экскаваторы и бульдозеры прокладывают русла новых каналов. Пройдет немного времени, и земля, кое-где покрытая толстым слоем, зазеленеет нежные поля хлопчатника, поднимится лобови виноградных лоз, разольется море нищенки.

...Мы приземляемся в Забротском аэропорту, расположенном недалеко от азербайджанской столицы. И здесь то же немилосердное солнце, что и в субтропиках.

Жара не спадает даже к вечеру. Мы выносим кровати и расстилаем на ночлег прямо

— Помните, какая штука... Мы должны к сроку сдать сорокатиквартирный дом № 6 в 4003-м квартале. Дом уже готов, а сдавать мы его не можем. После покоса окна и дверей надо убрать мусор, грязь. Полы стружки — все коматы в стружку.

Комсомолец «СУ-24» правильно решил: пусть ребята думают, что без их помощи строительство не справиться с выполнением плана. Да и на самом деле помочь ребятам на подсобных работах была нужна. Но главное оказалось не в этом.

Школяники не только работали, но и узнавали, сами того не замечая, много неизвестных им новых вещей. Комсомольцы-строители незаметно, словно между прочим, рассказывали каждому, как возводится дом, как монтируются комнаты, как работает стругальная машина, устанавливается паркет. И школяники, участвуя в уборке помещений, понемногу проникались чувством, что и они сами строители. «Смотрите, — бежит школяник к прорабу, — моя комната готова!» Как это здорово звучит — «моя комната!»

Да, ребята узнали много интересных вещей за эти дни, проведенные на стройке. Но главное, они почувствовали гордость за свой труд, испытали не с чем не сравнимую радость, когда сами увидели плоды своего труда.

И мы тоже новьяки: вот это и есть воспитание в процессе производства.

Наблюдая за тесным контактом школяников и рабочих, мы заметили интересное явление. Ведь мы думали, что этот контакт будет содействовать только воспитанию школяников. Но оказалось, что такой контакт имеет и обратную силу. Он оказывает большое воспитательное действие на самих рабочих. Мы назвали это явление взаимовоспитанием.

В конце каждой недели в моторном цехе ремонтно-механического завода № 2 вывешиваются табеля успеваемости учащихся 10-го класса 147-й школы за неделю. А в том же 10-м классе вывешивается регулярно недельный и месячный графики выполнения плана цехом. Результаты превзошли все ожидания. Заровно действовало это новшество и на школяников и на заводских комсомольцев. Ох, как неприятно узнаешь, что в цехе, где тебя уже считают за своего, крутятся эти артобы! Теперь хоть на завод не показывайся — смеется.

Ну, а рабочим парням каково? Взгляды ребят высматривают, учат жизни, и вот тебе — сами планы недовадыливы, а об этом теперь все школа узнает. Неприятно, ох, как неприятно! Вот и старается комсомолец завода и школы, чтобы друг перед другом в грязь лицом не ударить.

...Вно утром над Наримановским районом — перекачана заводских тудков. Люди идут на работу. Среди них группа парней, веселых, загорелых, жизнерадостных. И каждый — это стало законом в районе — отвечает за своего младшего товарища, школяника. Это полкочник комсомольца района съезду родной партии. И каждый обставил подarity партии самое заветное — тепло своей души.

на улице. Воздух неподвижен. Ни на чем даже не бе арко зорят криком, спеле же руды. Рабоч не нет-де да проерочет поезд элетрички, а по шоссе с ровным шагом промчатся заповодная автомашина...

На бубит яростный шум и саунт. Еше ничего не поинимая, мы вскакиваем с кроветей и хватаем удаляющуюся простыню.

Ветер! Он обрушивается внезапно, словно опрокинув какой-то заслон, и пронисается над нами в пронисанной скоростью. На хулу одолеваясь, мы бежим на летное поле, где стоит наша «Пелка». Лехо сказать — бежит... Бежит просто невозможно. Ветер бьет в грудь,

мечет в лицо тучи сухой пыли.

«Пелка» раскачивается, как детская шариката. Мы проверяем растяжки, на всякий случай услышав контакт платные затяжкам чехам...

К расвету скорость ветра достигает тридцати пяти метров в секунду (свыше ста двадцати километров в час). Полосатый конус над зданием аэропорту натягивается до предела, готовый вот-вот оторваться и улететь вслед за ветром. Мы стараемся до самого горизонта затянута платным пологом пыли. Только в самом зените еще слышно небо. Стоят позды. Присутствует шассе.

Каждые полчаса мы наве-

щаем летное поле. нас беспокоит одно: выдержат ли растяжки?

На наших глазах под левым крылом самолета с судьи чехомом лопается кабель. Ветер с остреванием набрасывается на крыло, пытаясь развернуть машину... Мы повисаем на тросе и, в проов оборван ладони, с тудком закрепляем растяжку. Теперь мы не отходим от «Пелки» ни на минуту.

Синютик не сообщает нам ничего утешительного. Приходится в буквальном смысле сидеть на берегу моря и ждать поводы.

Только через сутки, когда скорость ветра падает до семнадцати метров в секун-

дах, мы поднимаемся в воздух над дельтой Волги...

Через два часа мы летим над дельтой Волги — над бесчисленными множествами рукавов и протоков, на которые дробится великая река перед тем, как отдать свои воды Каспию. «Пелка» делает круг над леском, интандируясь вдоль широкой протоки, и приземляется едва ли не на балчи.

Это Оранжерей. Здесь расположено крупнейший в дельте Волги рыбокомбинат. Мы побывали в гостях у рыбаков. В те дни весь коллектив комбината жила одним — предостынный съездом партии. Люди читали и перечитывали проект Программы, обсуждали его на

собраньях, обменивались своими мыслями, готовились встретить партийный съезд хорошими трудовыми подарками.

На стендах, где являлись обязательства комбината, четко выделялись две многозначные цифры: 280 100 и 3 500. Первая означала центнеры годового задания, вторая — драгоценные центнеры рыбы, которую работники комбината в честь съезда партии решили дать сверх плана. Все это являлось — миллионы банок первосортных консервов, десятки тысяч центнеров копченой, вяленой и соленой рыбы, боковые эмальницы, всевозможные изделия черной промышленности...

С богатой добычей возвратились с ночного лова рыбаки комсомольско-молодежной тины Оранжерейного рыбокомбината.

«Пчелка» пришлось бы сменить не меньше дюжины диспетчеров, чтобы облететь все те места, где живут и работают хорошие люди, о которых нам рассказывают то в обкоме комсомола, то в редакциях газет, то в совхозах, а то и просто случайные знакомые где-нибудь в аэропорту или в Доме для приезжих. Сколько называют нам адресов замечательных парней и девушек, к кому обязательно стоит заглянуть «хотя бы на часок».

В поселке Оранжевый, например, где большинство жителей связано с комбинатом, мы слышали рассказы не только о рыбаках, но и о колхозниках из соседнего Ляминского района. Кто-то побывал там, и вот уже слышим из оранжевцев стало известно имя Ани Максимова, веселой, глазастой девушки из колхоза имени XII партсъезда. Говорят, кургуза на ее камовольских лекциях поднялась, как лес. В подарок съезду ее звено решило убрать с каждого гектара по шестистот центнеров зеленой массы и по семьдесят — зерна... Слышали мы здесь и о комсомольце Викторе Гужине из колхоза «Путь к коммунизму», ставшем знаменитым почитателем «голубой целины».

А в Актюбинске нам называют имя молодого сельского врача комсомолки Валентины Лопатиной. Живет она в селе Богословке, приехала туда три года назад сразу после окончания института. Мы проводим небольшое совещание и решаем слетать в Богословку.

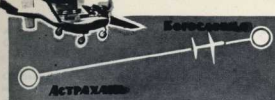
На нашей карте нет этого населенного пункта, но нам показывают мотористы аэропорта. Они прокладывают, по их словам, «совершенно точный» курс на юг от Актюбинска и советуют лететь по нему «ровно сорок километров».

«Пчелка» стартует.

Через несколько минут, пролетев указанное расстояние, мы видим большое село. Калинин делает несколько кругов, выбирая подходящую площадку, потом садит самолет неподвижно от ремонтно-технической станции. К месту посадки бежит целая армия ребятшек. Детвору облекает автомашина. Шофер делает лхвой разворот и останавливает грузовик у самого самолета. Ребятишки окружают

АСТРАХАНЬ

В минуту Богов

4 то такое трудовая доблесть? Конечно же, это — проявление в труде душевного мужества, стойкости, благородства. Это смелость и новаторство в любом деле. Это — высокое мастерство, богатый опыт, щедро использованные человеком во имя личного блага, а во имя блага Родины.

Конечно же, это и повседневная, важная, нужная, может быть, и не всегда заметная работа рядового труженника, но значащего, что такое покой, труженика высокого сердца, всегда бескорыстного, в любую минуту дня и ночи готового прийти на помощь человеку...

«Для Валентины Лопатиной наш прилет на «Пчелку» — полная неожиданность. Она смущенно проливает предан богатырь венок и никак не может поверить, что у нас не вынужденная посадка, а мы специально приехали в это село, чтобы встретиться именно с вами, Валентиной Лопатиной, сельским врачом.

«Вот уж никогда не ожидала», — говорит она, смущенно улыбаясь, и вдруг, оживившись, предлагает: — Поговорите-ка вы лучше с Тареновой. Хорошая девушка. Студентка из Алма-Аты, проехав у нас в больнице практику. Комсо-

молка. После института поведет работать в село...

— Вы тоже комсомолка. И тоже, кажется, поехали после института в село...

Мы начинаем разговор в глянско-больничке. Да, она приехала сюда сразу же после окончания воронезского вуза. В комиссии по распределению молодых специалистов ей предложили десяток вакантных мест, она могла выбирать любую: поехать в город или село, в тылу или в горы, на юг или север. Она выбрала Боголовку. Валентина не знала, что это за село, ей только сказали: село большое, расположенно в голой степи, километра в сорок от железной дороги, и что работать придется участковым врачом, а значит, и полудеятельности будет больше. Позже, в Автобанным областного, она уточнила: радужный поля составлял сорок пять километров.

Валентину не смущило это. Ее смущило и поначалу даже расстроило другое: амбулатория в Боголовке, построенная еще в незапамятные времена, лет тридцать назад, напоминала скорее медпункт... В сущности, больницу надо было строить заново.

— Словом, — смеется Валентина, — на первых порах пришлось мне, вчерашней студентке, быть

больше хозяйственником, чем лечащим врачом. Занюки в здоровье, споры из-за фондов, строительств, оборудования, мебели — всего этого было в избытке. Когда начали строить, здорово помогли колхозники. Если бы не их помощь, вам не пришлось бы сегодня делать посадку в нашем селе... А теперь у нас просто дворец, а не больница!

Действительно, мы сразу же, как только «глазки» подкатили к ограде больницы, были приятно удивлены ее внешним видом. Двум просторным, сверкающим белой краской корпусам, в которых расположились и лечебные кабинеты и палаты стационара, могли позавидовать во многих поселках. В кабинете, где мы сидим, стеклянными шкафы с бесчисленными množеством пробирок, колб, банок, ярко сверкают никелированные детали инструментов и приборов. А в соседних кабинетах есть и рентгеновский аппарат и другие сложные оборудование, без которого трудно себе представить современную амбулаторию.

Мы вспоминаем о сорока пяти километрах, а Валентина машет рукой, словно говоря: «Э, орунда!»

— Мне даже нравятся такие масштабы. Правда, ехать, например, по степи зимой — дело нелегкое. Машиной не пробраться, приходи-

т на надевать по два туфла и садиться в санки. Порой приходится добираться до самого отдаленного села. Мороз, ветер, а то и пурга... Как-то раз вызвали меня в Новогорьевку — это сорок с лишним километров отсюда. Добрался хорошо, быстро, а выехали оттуда — сбился с пути. Начался буран, замело так, что лошадей не видно. Возвращаю — молодой парнишка — до того испугался, что готов был расплакаться. Боюсь, говорит, заморозит доктора... Ну, шутили мы почти всю ночь, а потом какому-то чудом поглотил парнишка — до того испугался... Но там делные рейсы не столь уж часты. А вот вызовы здесь, в селе... Иной раз по два-три вызова за ночь... Валентина смеется: — Находит всуду в кинозале, в лектории...

Слово «лекторий», кажется, напоминает ей о чем-то, она на минуту замолкает, а потом сообщает нам: — Сегодня у нас вчером лекция. Приходите, с колхозниками познакомимся. Это у нас замечательные люди! Когда в Боголовке организовался университет культуры и мне предложили читать лекции, я вначале, грешным делом, подумала: а кто их будет слушать? Но вы себе даже представить не можете, сколько людей приедет на занятия университета! Все это, знаете, очень радует...

Мы проходим по палатам, где лежат больные, беседуем с двумя мальчишками, которых, заведя в кабинет, восторженно махают ей ручонками, осматриваем хирургический кабинет, где как раз застраивают работу Куляки Тареновой...

Мы приглашаем Валентину взглянуть на нашу «Пчелку», предлагаем даже свои услуги в качестве санитара, если есть необходимость доставить больного в город, и выходим на улицу. Следом за нами бежит медсестра. Кто-то позвонил по телефону: вызов... Валентина извиняется, пожимает нам руки и, бросив на прощание: «Идите, мне не пишете!» — убегает за своим походным чемоданчиком.

Через полчаса мы взлетаем. «Пчелка» низко пролетит над селом, мы смотрим в окна, надеемся увидеть где-нибудь больничную «неотложку», но улицы села проносятся мимо, самолет набирает высоту и берет курс на Кустанай.

из БОРТОВОГО ЖУРНАЛА ПЕРЕЛЕТА

«Пчелку, человек десять просыпаются в яки и, видимо, с нетерпением ждут наших вопросов.

— Это Боголовка? — спрашиваем мы и слышим дружный отрицательный ответ.

— До Боголовки отсюда километров двадцать!

— Как двадцать?

— А так. Вокруг там Боголовка, — говорит веселушная мальчишка лет пятнадцати и машет рукой куда-то на восток.

Кашкич смотрит на карту и километраж в двадцать находит крохотную точку — Ключевое.

— Это и есть Боголовка, — поясняет мальчишка. — Что Ключевое, что Боголовка — все равно.

Кашкич мальчика прерывает карту и со словами: «Вот тебе и совершенно точный курс!» — направляется к сиденью пилота.

Вокруг Боголовки не оказывается подходящего «аэродрома», «Пчелка» долго кружит над селом, а потом приземляется у краиних домов. Шаркается в сторону стада овец, и только коровы, пасущиеся по соседству, продолжают невозмутимо пережевывать свою пищу.

И здесь «Пчелка» опирается в окружение целой армии детеныш.

— Боголовка?

— Боголовка! — восторженно отвечает сразу десятка три голоса.

— Валентина Тихонова,

не знаете, сейчас в селе?

— В селе! — с таким же энтузиазмом кричат ребята. — А вы к Валентине Тихонове?

По улице, вздымая тучи пыли, летит, как на пожар, стремительный «глазик». Мы идем навстречу машине и просим подвезти нас к больнице. Водитель неохотно соглашается, но мы успокаиваем его:

— Самолет простоят часа три. Успеете еще, посмотрите.

Услышав эти слова, мальчишки преспокойно рассказывают о встрече «Пчелки»...

«ЗРАПСТВУЕ, РУДИНЫ!»

Позади больше трех тысяч километров. Мы идем на Ку-

станай, чтобы помыться в Рудном, у молодых строителей и горняков Соколовской. Сербского комбината.

Рудный лежит на линии нашего маршрута, мы рассчитываем приземлиться там на каком-нибудь пятячке, но наш расчет вобретезги разбивается непредвиденным обстоятельством.

На всем протяжении полета нам, как говорят, везет. Если не считать бакинского «спортира», нас всюду сопровождают отличная погода. Ни одного пасмурного дня, ни одной сколько-нибудь существенной тучи на небе...

Но вот впереди плотной стеной выстраивают грозные облака. Нам не хочется делать посадку в голой степи,

и «Пчелка» начинает искать узкие коридоры в тучно-сибирских нагромождениях туч. Эти коридоры увоят нас в сторону от прямого курса, но никак мы не пишем!..

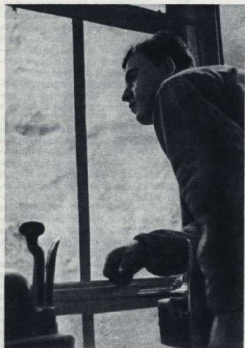
Справа и слева от нас вспыхивают острые языки

РУДИКНИ МИЛЛИОНЫ

Машинист экскаватора Геннадий Гудков.

Шесть лет назад здесь не было ничего: ни людей, ни громадных котлованов, ни мачт высоковольтной линии, подошедших вплотную к карьерам. Не гудели машины. Не грохотали экскаваторы. Не взлетала в воздух взорванная зарядом земля...

Веками лежала здесь ровная безбрежная степь, поросшая чахой и жесткой полынью. И никто не знал, какое несметное сокровище упрятала в этой степи скупая хозяйка природа. Первым это богатство обнаружил Михаил Сургутнов — не ученый, не исследователь земных недр, а обыкновенный летчик. Он вел самолет над степью и обратил внимание на странное, просто невероятное поведение компасной стрелки. Она металась так, как если бы на нее действовало сильнейшее магнитное поле. И летчик сделал точное предположение: в земле должна быть железная руда.

Потом сюда пришли геологи. Они подыскивали безмятежной степью самые первые соору-

жения — буровые вышки... Сейчас здесь два громадных котлована, два рудника: Соколовский и Сарбайский, а километрах в десяти от них, ближе к Кустанову, раскинулся прекрасный город — город молодых энтузиастов и патриотов.

...Мы объезжаем Сарбайский рудник и по широкому уступу спускаемся к площадке, где работает четырехкубовый экскаватор № 136. Вступила в строй только часть рудника, на широком пространстве еще ведутся искрышные работы, и «сто тридцать шестой» вместе с добрым десятком собратьев выбирает грунт и грузит его в самосвалы — четырехтонные «МАЗы», которых здесь называют «маленькими», или в деситонные, вместительные «красавцы».

Геннадий Гудков, машинист экскаватора, узнав, кто мы такие, откуда и куда летим, зовет нас в кабину. Он очень сожалеет, что нам не удастся встретиться с бригадиром Леонидом Филатовым.

— Уехал в отпуск,— поясняет Геннадий.— А с ним вам интересно было бы поговорить. Он тут с первых дней...

— А вы?
— С пятидесят шестого. Работал сначала на Соколовском, потом сюда перешел. А на этом четырехкубовом — шестой месяц. Его только в марте поставили. Тогда и организовали нашу комсомольско-молодежную бригаду.

— Тысяч семьсот... Да, семьсот.
— Значит, к концу года будет миллион! Геннадий пожимает плечами...

Самосвалы подходят радио. Иногда пауза в работе экскаватора достигает пяти-шести минут.

— Вот что нас режет — транспорт,— говорит Геннадий и включает радиосвязь.— Диспетчер, я «сто тридцать шестой!» Сколько сегодня «миллиончик»?

— Пять,— слышим мы голос диспетчера.

— У меня пока только три.

— Должны подойти.

— А «ЯАЗов»?

— «ЯАЗов» три.

— Немного.— Геннадий щелкает рычажком и, махнув рукой, говорит:— Если бы большие машины! Собственно, машины есть, да они стоят в гараже: резины нет... Но миллион мы дадим, я думаю...

Мы не погрешим против истины, если скажем, что миллион становится на комбинате привычной мерой. Да, счет идет на миллионы. В минувшем году экипажи четырех экскаваторов стали «миллионерами» — вынули на акрышных работах более чем по миллиону «кубинов». Эти экипажи возглавляли А. Алексеев, Л. Тонегин, А. Панфилов и А. Гаев. В нынешнем году «миллионеров» будет больше — их число, говорят, удвоится... Надеется стать «миллионером» и экипаж Леонида Филатова.

Сарбайский и Соколовский рудники уже дают руду: каждый немного больше миллиона тонн в год. Но это — самое малое. В конце сентября горняки, возможно, скажут: «Маловато брали...». Потому что к тому времени мощность комбината вырастет до 26 500 тысяч тонн сырой руды в год! Да что к тому времени!

Уже в будущем, шестьдесят втором году она будет превысит нынешнюю.

На звездах из котлована мы «голосуем». Девадцатипятилетний самосвал открывает и обнаруживает дороги и заторы...

— До диспетчерской подвезете?
— Пожалуйстe! — Молодой паренек-водитель распахивает двери.— Места хватит!

Мы забираемся в кабину и располагаемся на сиденьях, как на таксе.

До диспетчерской — километра полтора. Над дорогой не оседает пыль: навстречу нам идут и идут машины. Из кабины двадцатипятилетнего все они кажутся микропипижками. Водитель словно угадывает наши мысли:

— Ну, этот — флагман!

— Двино на флагмане!

— Не-ет, погосда.

Минуту-другую водитель молчит, глядя на дорогу, а потом чуть повертывает и к нам свое обветренное лицо и улыбается:

— А вот мой напарник познакомился с ним еще в Москве...

— В Москве?

— Ага. Зашел однажды во ВДНХ, увидел вот эту машину и влюбился по уши. Тогда он еще где-то не то на Урале, не то в Подмосквовые работал. А потом приехал сюда, на Сарбай. Приехал, а следом за ним самосвал... Истрия, ай Таша и следом за ней!

— Как же так!

— А так. Этот самосвал собрали мисские комсомольцы сверх плана. Ну, и подарили его нашему руднику... Здорово!

— Здорово!

...День на комбинате — это совсем немного. Но даже часа жизни на комбинате достаточно, чтобы увидеть, сколь грандиозна битва за руду. Это битва за будущее нашей металлургии. И недаром горняки не раз повторяли в разговоре с нами число «250 миллионов». Уж кто-кто, а они хорошо понимают, что выплывать ежегодно 250 миллионов тонн стали, как задумано в новой Программе партии... это значит добывать ежегодно почти втрое больше руды. Что ж, они дадут стране эту большую руду!

молний. «Пчелка» разрезает сетку дождя, устремляется в небольшие просветы, обходя оплывшие просветы тучи, и снова попадает под дождь. Больше часа мы летали по узким коридорам и наконец вырвались в зону голубового неба.

К Кустякову мы подлетаем с юго-запада, а чуть ли не с севера. Рудный остался в стороне... Лететь туда нельзя: в аэропорту нас сообщают, что город закрыт сплошным грозовым фронтом и вряд ли можно ждать удручения к ночи. Но мы не хотим терять драгоценного времени и решаем ехать к горнякам автобусом: не все же летать на «пчелке»!

Еще в автобусе мы слышим восторженные речи о городе. Наши полчищком оказывается молодой парень, помощник машиниста электровоза с Соколовского рудника. Он провозглашает: «Город — отца и мать, приехавших к нему в гости с Урала, и сейчас возвращается домой. Знать его Геннадий! Он приезжает нам, что бывало во многих городах, объехал весь Урал, но такого, как Рудный, еще не видел».

— Вы увидите сами,— говорит Геннадий.— У нас все, как в Москве: проспекты, шоссе, клубы, скверы... Есть даже «Летский мир». Есть, между прочим, кинотеатр без контролера... Но все это цветочки! Знате, каким будет город через несколько лет?

И он начинает рассказывать о будущем Рудного. Нынешние кварталы станут его окраиной. Центр переместится в другое место — туда, где сейчас поселок Алексеевка. Город будет утопать в зелени, а лесные полосы защитят его от степных ветров. Неподальку от города, на реке Тоболе, построит оодолжанище, а вокруг него — санатории, дома отдыха, пионерские лагеря...

Не знаем, как выглядит Рудный с высоты «миллион» полета, но с земли он кажется нам прекрасным. Широкие улицы-проспекты, цветущие скверы, большие, светлые здания... Здесь все построено широко и щедро много простора, света.

Мы едем по городу и говорим:— Ну, здравствуй, Рудный!

Вадюшка выжидает

Хулио МАТЕУ

Рисун в. БРОДСКОГО.

РАССКАЗ

— Лусито... Лусито... Пора вставать! — громко звала мать, вытирая мокрые руки о фартук.

— Пора! — удивленно спросил мальчик, протирая глаза. Сладко потянулся, он старался сосчитать подвешенные к потолку тычки. — Куда пора!

— Разве ты забыл! Сегодня первый раз ты идешь в школу, первый раз после нашего приезда. Сколько же трудов мне стоило достать все бумаги, чтобы тебя приняли в эту школу: то документ о крещении, то брачное свидетельство, то справку от приходского священника, то еще что-то!.. Чего только они не требовали! Уф, унырвался я! Но ничего, теперь ты можешь продолжить свою учебу. Чему-нибудь да научишься. Ты слышишь меня, Лусито? Пора вставать. Вот уже два часа, как отец твой бьет молотом в кузнице...

Невольно Лусито вспоминал, как проходила первый день учебного года раньше, когда семья жила в Москве. Вспомнил темно-серую иконостасную форму, фуражку с лакированным козырьком, багстащий черный портфель... Цветы, которые давала ему мать для учительницы Еваджен Ивоньевич... Потом перед его взором пролегал пюперский отряд, мальчишки и

девочки — его одноклассники — в красных галстуках.

Все это теперь так далеко...

С тех пор, как семья возвратилась в Испанию, в жизни Лусито все перевернулось вверх дном, будто он совершил салто-мортале.

Девнадцать лет он жил в Москве. Там родился, там пошел в школу, там закончил четвертый класс. И вот теперь он очутился в небольшой заброшенной деревушке в провинции Валенсия...

— Слышишь, Лусито? Ведь не глухой же ты. Вставай, тебе говорят! — уже сердлась мать.

Конечно, Лусито не глухой, он все прекрасно слышит. Но до чего же ему не хочется идти в школу, о которой он успел уже многое узнать за полтора месяца своей жизни в деревне!

Чего только не рассказали ему ученики этой школы! Однажды — это было в первые дни их приезда — Лусито медленно бред по полю. На берегу речки, около бойни, он повстречал нумую ватагу мальчишек из своей деревни. Один дразнил собак, другие швыряли камни

в голубей, третьи гонялись за курами, которые испуганно металась во все стороны. Двое из них, растянувшись на земле и болатя в воздухе грязными босыми ногами, тыкала соломенной мурьяней, старательно таскавших в свои узлы и глубоким норки зернышки, оставшихся от недавней молотыбы.

— Нехорошо так, — сказал Лусито ребятам.

— А ты кто такой, чтобы учить?

— Забыл у тебя спросить, вот еще!

— Ребята, надо его проучить!

— Подожди, ты из какой деревни?

— Уж не приехал ли ты из Мадрида? — насмешливо спросил самый высокий, который, судя по всему, носил отцовские брюки.

— Я приехал из Москвы. — Лусито сказал кулачки, готовясь к удару.

— Из Москвы-ы-и!

— Ребята, это, должно быть, новые соседи кузница Рамона.

— Из Москвы, говоришь! Так вот ты какой! Мальчишки плотно обступили Лусито, торжественно пожимая ему руки.

Потом они сидели на лужайке и беседовали как хорошие друзья. Вопросы так и сыпались на Лусито:

— Россия далеко отсюда?

— Это правда, что там каждый может учиться и быть кем захочет? Вот если бы я там жил, я мог стать капитаном корабля или летчиком!

— А ты видел близко спутники?

— Верно говорит, что у нас там есть такие шпички, где можно видеть все, что показывают в театре!

— Как будет по-русски «реча», «гора», «мама», «друзья»?

Лусито едва успевал отвечать. Он видел, что ребята слушают его, зативив дыхание, стараясь не пропустить ни одного слова. Это воодушевляло Лусито. Новые друзья ему нравились.

— Да-а-а! А ты можешь утереть нос нашей Трубе!

— Кому? — не понял Лусито.

— Нашему учителю! Это мы его так прозвали. Ты бы видел, как он зморщивал! Как труба гудит!

— Расскажи мне о школе, — спросил Лусито. — Что вы там учите?

— Ну, у нас два главных предмета: закон божий и «Отче наш». Поем псалмы до хрипоты. Вот увидишь — сам увидишь.

В школе такой порядок. Прежде чем войти в класс, надо громко сказать: «Святая дева Мария...» Учитель тебе ответит: «Богородица пусть войдет». Только тогда ты можешь войти в класс и сесть на место, которое он укажет.

В классе надо сидеть смиренно и смотреть учителю в глаза.

К шкoлe

— Упаси бог, если он заметит у тебя бумажного змея... так и оторвет указку из твоего.

— А если у тебя плохой почерк, он может схватить тебя за шпирот и дать хорошенького пинка.

— Все зависит от настроения учителя. Вот бедного Пуауито он поначалу заставлял стоять на коленях с раздвинутыми в стороны руками.

Луисито был потрясен. Ему казалось, что все это какой-то нелепый сон.

— А историю вы учитё? — робко спросил он, все еще находясь под впечатлением услышанного. История была его любимым предметом.

— Еще бы! Конечно, учим! — ответила тот высоким, который носил отцовские брюки. — Мы изучаем Священную историю, ну и историю Испании. Мы должны знать наизусть, когда родился и когда умер каждый король Испании.

— А много у вас было королей?

— Больше, чем ослов в большом табуне. И даже был такой, которого прозвали первым королем-бунтарем, потому что он отказался от трона. Это был Амадей I. Ты еще не был в Мадриде? Говорят, что там есть большие площади, которая все запечатана статуями королей. А какие у них имена! Двадцать раз икнешь, прежде чем правильно их произнесешь!

В деревню возвратился вместе...

Вспоминая все это, Луисито медленно, с полами безразлично обводя, посмотрел искоса на потемневшее стекло старого зеркала. Он продолговатое лицо выступало на темном фоне, как большое желтое пятно, и Луисито почему-то казалось, что он видит серое лицо учителя и его тяжелую уязву. Несколько вновь встало в памяти доброе лицо далекой московской учительницы Евдокии Ивановны. Вспомнились ее слова, которые она часто повторяла: «Будьте уступчивы. Но защищайте свой принцип, свою честь».

Ну, я тебе помогу. Ты успеешь вымыть стакан чаю... хлопотала мать... Только скорей. Смотри не опоздай!

Луисито долго стоял в коридоре, неподвижный, как столб. Наконец он решился подойти к порогу класса.

— Присягая дева Мария... выдала он какин-то чужим голосом.

Из полударка комнаты на него взглянуло несколько десятков глаз, словно мерцающие звезды на темном небе. Ярко блеснула только два больших окошка, похоже на глаза совы, метавшие молнии. Мертвую тишину, покалавшую Луисито нечестно, наконец прервал хриплый голос учителя, который, казалось, исходил из могилы:

— Безпринципный да устать войдет...

Луисит не побеспокоился и направился к столу учителя. Но учитель его не замечал. Он заставил мальчика ждать, долго не уходящая его вниманием — старая привычка чуждавших испанских гидуально познывать свое превосходство над людьми из народа.

— Что ты жеманя! — спросил он наконец, хотя прекрасно знал, что пришел новый ученик.

— Я новый ученик... и сегодня пришел первый раз... — Луисито противу учителя справил.

— Садись на ту скамью... сухо бросил учитель, выгнув руку, как прокурор, который называет преступника.

Луисито направились к своему месту. Уши у него горади и стали такими же красными, как стучуковый перец «шпиротом», которого так много в Испании. В классе стояла такая тишина, что слышно было, как скрипели старые, измезденые жучком половицы.

Учитель поглядывал свои височки, как чурло, и хоронешко вытрахивать. А теперь продолжим урок. Амны!

Учитель рассчитывал, что его «блестящая» речь, которую он много раз репетировал дома перед зеркалом, будет встречена дружным хохотом всего класса. Но класс молчал. Лишь скандиле на первой скамье два его любичека утудило улыбка, а остальные ученики, сдержанно покашлявая, многозначительно подмигивали друг другу. Вот, мол, куда Труба загнута!

— Молчать! — гаркнул учитель.

Он отпил еще глоток воды, с минуту подержал во рту и снова выплюнул в пеленушку.

И уже другим тоном — куда толма делась вся его напыщенность! — продолжил:

— Не так дивно я говорил вам, что, как колдунье, прибитый к столбу, заставлял оживное дерево расти прямо, так и налка поможет людям учиться. Правильно говорит пословица: «Чтобы учиться, надо бить».

— Вот сейчас посмотрим, так это вам нет. Ну-ка, скажи, новый ученик, что ты знаешь о христианской религии?

— Ты знаешь, кто сотворил мир? Кто был Адам и Ева? Кто такое святое семейство?

— Нет. Я ничего этого не знаю... — смело признался Луисито.

— Самнаа! Что я вам говорил! Он сам без всякого стеснения признает, что он этого не знает. Но что же получается, сеньоры! Это же наша азбука, начало всех человеческих знаний! Не знать этого — значит ровно ничего не знать.

— Тогда он уже кое-что знает... попробовал попутить один из учеников. — Он может сказать, как Сократ: «Я знаю, что ничего не знаю».

— Молчать! — заревел учитель.

Все это уже стало раздражать Луисито. На память снова пришли слова далекой московской учительницы: «Будьте уступчивы. Но защищайте свой принцип, свою честь». Черт побери, разве это не вопрос принципа, не вопрос чести!

— Ну, так знай же... продолжал учитель, не обращая внимания на волнение, охватившее мальчика. — Знай же, что здесь ты должен все знать наизуток: что такое религия, кто сотворил мир и когда он кончился. А теперь я хочу спросить тебя о другом. Знаешь ли ты географию Испании!

— Да, я изучал это в Москве: территориальное деление, население областей, реки...

— Реки, говоримы! Ну, расскаж хотя бы об одной реке.

— Одной из больших рек Испании является Гвадына. Длинна ее — восемьсот километров. Она берет свое начало в Альто Кабрелас, в провинции Куэнка, затем протекает по провинции Сьюда Реал и в Ла Манче — родине Дон Кихота... течет под землей в подполде, как сейчас, например... Но Гвадына все-таки выходит к морю, и испанский народ скоро также придет к морю, к тому морю, где в борьбе за мир и счастье...

— Довольно!

— Молчать!

— Все море даром!

— Вои!

Луисито шел домой и думал о том, как будет огорчена мать, узнав, что его выгнали из школы. Но он был спокоен и даже улыбался: какое-то непонятное, все нарастающее чувство радовало его душу. Ему казалось, что он стал намного старше.

Авторизованный перевод с испанского

С. ГИЛАНОВА.

ГЛОБУС

Выходит
один раз в месяц
№ 10 (18)

Год издания 2-й

ОКТЕБРЬ 1961

МЕЖДУНАРОДНАЯ ГАЗЕТА «СМЕНИ»

НА ПЕРЕДНЕМ КРАЕ ОБОРОНЫ МИРА

Передний край обороны мирного лагерь социализма от германских войск, от сил рэвализма ФРГ проходит сейчас по секторальной границе между Демократическим и Западным Берлином.

Впервые после этой границы, принятые 13 августа рабочие-красной властью ГДР, выехали на Западе новый армия военной истории, угрозы и провокации. Еще был закрыта пазелка для шмонов и ирландцев, для спекулянтов и провокаторов, для всех тех, кого международная рэвация засылала в западном Берлине.

Важнейшим событием в жизни Германскую Демократическую Респуб-

Народные полицейские ГДР охраняют секторальную границу в Берлине (снимок 1), хорошо знакомы им стоишь на дороге, и даже в безопасности в самом направлении места Европы. Поздн широк, обозначающего начало Западного Берлина, так же видны американская палатка и танк.

Другой американский танк (снимок 2) также направил свое оружие в сторону Демократического Берлина, стоишь на Фридрихштрассе рядом с домом, на Фридрихштрассе которого разместились один из военных командных пунктов американцев.

Они же поддерживают американский солдат (снимок 3). Не тех ли, кто намылся на спелуках валюты и товарами из ГДР? Не случайно после закрытия секторальной границы опустели лавочки, расположенные по соседству с Демократическим Берлином (снимок 3). Их деятельность положила конец воле трудящихся ГДР, многие чтобы вместе с народом дошли до деревня (снимок 4). Рабочий-дружинник и полицейские поправляются на Фридрихштрассе. Он дежурит в ранний кофа — утешение жителей близлежащих домов. Берлинцы очень довольны, что через границу воняет дождь, но проливает сырость вонючей кутурмы. Миллионеров, у которых Гитлер снова в чести. Бесноватый форвар признавал с киничных и газетных слондов Западного Берлина к войне (снимок 5). Глазами, полными улова и травоги, смотрят на рэвализмскую везно в ФРГ те, кто однажды уже (снимок 6).

Однако теперь, на свете есть, война Германия — Германская Демократическая Республия, государство рабочих и крестьян. Ее граждане хотят мирно жить и трудиться, как из лучших берлинских выдушек одной из лучших бригад (снимок 7). Знакомая в Берлине (снимок 7). Знакомая в обретенный перерыв с газетой «Нейес Дейчленд», которая про одобрено платитку на работе, молодые рабочие как они, астанут на защиту мира и социализма.

ОБЩЕСТВЕННОЕ МНЕНИЕ
О ПРОБЛЕМЕ ЗАПАДНОГО БЕРЛИНА

«Амос Анатолий Андреевич, год рождения — 1929-й, с 1957 г. — директор Троицкого станкозавода... Скупые строки личного дела... Это, пожалуй, и все, что мы узнали перед отлетом в Троицк об Анатолии Лысове.

И вот первая встреча. В директорском кабинете идет комсомольское собрание. И если бы нам не сказали заранее, что светловолосый парень в парусиновой куртке и есть директор, мы бы приняли его за одного из заводских комсомольцев. И не только потому, что с виду он мало отличался от этих ребят. Он был здесь, на комсомольском собрании, в своей стихии.

Лысов говорил темпераментно, говорил на одном языке с заводской комсомолкой. Ему не пришлось ничего «брать на карандаш», чтобы потом «рассмотреть» и «решить». Чувствовалось, что директор завода в курсе всех комсомольских дел.

Здесь, на собрании, мы и познакомились. Это был единственный раз, когда нам удалось застать Лысова в его кабинете. Обычно о нем говорят: «Если хотите найти директора, ищите в цехах. От восьми утра до четырех дня».

Так мы и сделали: из сборочного в инструментальный, оттуда в электромонтажный, потом в конструкторское бюро и т. д. Во время этого путешествия по цехам мы узнали об Анатолии Андреевиче куда больше, чем могла бы дать беседа в кабинете.

Разговор с рабочим у расточного станка о новом способе обработки детали заканчивается тем, что Лысов ставит фрезу и спор переходит в гул станка. В привычных движениях директора чувствуется опытный рабочий.

В конструкторском бюро у чертежной доски с листом ватмана, на котором видны очертания будущего станка, завязывается целая дискуссия. Предмет спора — возможно ли переконструировать какой-то узел. Лысов уверен: сделать узел можно значительно проще. У него в руках логарифмическая линейка. Некоторое время он занят подсчетами и, позабыв, кажется, об окружающих, вычерчивает что-то в блокноте. Потом проталкивает блокнотный листок главному конструктору.

— По-моему, так разумнее...

В перерыве — беседа с заводскими футболистами. Встречает их Анатолий Андреевич довольно сурово:

— Слушайте, ребята, это же позор! Прогреть 2:5!

— Анатолий Андреевич, у нас края нет.

— А почему? Кадры надо самим растить. Вот немножко освобожу — сам играть буду. В институте я края играл. Возьмите?

— Взять-то возьмем. Да вы давно обещаете освободиться.

— Вот станок закончим, и все.

— Этот закончим — другой начнем. На волейбол-то вы время находите...

— Ничего, и на футбол найдем. Время и вечеру. А нам еще хотелось поговорить с директором. Спрашиваем:

— Анатолий Андреевич, мы сможем побеседовать сегодня после четырех?

Иду в литейный. Там монтируют скиповый подъемник. Проверить надо. Сами понимаете — завод ведь...

— А после шести?

— Вот после шести уж совсем не получится. Еду в подшефный колхоз. Время жаркое, а эстакада для насосного агрегата не готова.

— Тогда завтра с утра!

НАШ ДИРЕКТОР

Хорошо знают Анатолия и колхозники подшефной сельхозартели.

Анатолия Лысова трудно заставить в кабинете. Его рабочее место — весь завод.

— Знаете, как раз надо к ребятишкам в детский сад. Наши заводские ребятишки. Обещал.

— А...
— А потом, на стройку. Жилые дома для рабочих строим. Тануть с квартирами нельзя...

Нам так и не удалось обстоятельно поговорить с Анатолием Андреевичем. Да, пожалуй, этот разговор уже был и не нужен. Ведь мы видели, как работает Лысов, слышали, что о нем говорят рабочие. Они называют его — наш директор. Наш — это звучало как самая ахшая оценка.

В двадцать восемь лет человек стал директором завода. В прежние времена это называлось карьерой. Но с кем бы мы ни разговаривали на заводе о Лысове, мы ни разу ни от кого не услышали этого слова. В этом, думается, и состоит новое отношение наших

людей к человеческой биографии, то есть к человеку. Ее истинные ценности определяются тем, что ты сделал для людей, а не количеством ступеней, на которые ты поднялся.

Двадцативосьмилетний директор... Мы вспоминаем замечательные слова из проекта партийной Программы: «Партия рассматривает молодежь как созидательную, творческую силу в борьбе советского народа за коммунизм». Судьба директора Троицкого стекольного завода не исключение. Сегодня партия поручает молодежи самые трудные и ответственные задачи. Мы знаем множество молодых директоров предприятий, руководителей строев, научно-исследовательских институтов, председателей колхозов. Партия доверяет молодежи, и молодежь с честью оправдывает это доверие.

«Что же это вы, друзья, проигрываете?» — спрашивает директор заводских футболистов.

В заводском летсалу радости: «Дядя Толя! пришел!»

Директор атакует...

Троцки

ЕСТЬ ДРУЖНА НА КАМЕ... В ГОРОДЕ НА КАМЕ...

Перед уходом в наряд (третий слева — командир отряда Николай Руснов).

31

знакомство с дружинниками Периского завода нефтяная началось необычно: нас пригласили на концерт художественной самодеятельности, среди участников которого не было артистов старше двенадцати лет. Среди нас друг друга, они выходили на сцену, читали стихи и сказки, пели веселые песни, танцевали и даже разыграли однуактную комедию из жизни «дочечкина». Их аудиторией была детвора, шумная и веселая, с заведной непосредственностью выразившая свой величайший восторг...

Дружинники и детская самодеятельность? Мы так и спросили у командира отряда Николая Руснова, который привел нас на концерт.

— Как же связать одно с другим? — А просто... с улыбой ответил Руснов. — Все началось три года назад...

Мы записали рассказ командира отряда.

— В то время, три года назад, в поселке нефтяном, где жили рабочие нашего завода, по вече-

рам озоровали обнаглевшие бездельники, без зазрения совести гоняли подвыпивших хулиганов, поллевывая на все, разгуливая стилинг... Это была городская охота. Двенадцать комсомольцев-дружинников начали борьбу за тишину и покой на улицах, за образцовый порядок, за красоту своего поселка. Их было сначала мало, но то, что могли они делать и делали, приносило большую пользу, и жители охотно стали с благодарностью говорить о ребятах с красными повязками на рукавах.

Не раз дружинникам приходилось участвовать в опасных операциях. В отряде до сих пор вспоминают случай, когда Эрнст Полунов и Георгий Герасименко задержали двух аферистов, специализировавшихся на присвоении чужих часов...

— Но то, как эти же ребята помогли чужиме ликвидировать шапку ворюги, растаскивавших общественное добро...

Постепенно поселок преобразился. Пятиклассный хулиганский, исчезли кусты стиглы и бездельники. Однако меня пригласили в патронею завода.

— А почему вас... — сказали в патронею, хотя мы и сами уже не

раз поговаривали о том, что отряд пора бы вырасти... Дружинники должны быть больше раз в десять, но и цели отряда должны быть более широкими. Надо не только хватать за руки драчуна или останавливать пьяницу, надо заниматься воспитанием людей. Конечно, задача эта трудная, но решать ее нужно. Что думать, мы не знали.

— Будем думать... — сказала я и в тот же день рассказал об этом разговоре в комитет комсомола. По всем цехам и отделам прошли собрания. В дружинку выделяли самых лучших, самых активных общественников, пользующихся у товарищей авторитетом. Это было правилом, непревратимым условием, и пожалуй, только для одного человека мы сделали исключение...

Каждо раз в штаб дружины пришла Валя Лебедева и попросила записать ее в отряд. Отвечаяне говоря, мы увидели: уж от него, от него, а от этой девушки меньше всего можно было ожидать подобного шага... Реальная, грубоватая, но особенно стесняющая себя в выборе слов, Лебедева не могла учиться с людьми, переходила из цеха в цех, нигде подолгу не за-

держиваясь. Об этом знали все. Знали об этом и мы. Но мало что знали, что соседка неваля Валя вышла и начальнику цеха смазку и попросила пригласить ее в отряд. Этот цех боролся за звание коммунистического. Неизвестно, о чем говорили они с начальником, но из кабинета Валя вышла сияющей. Мы еще не знали об этом. И в штабе ответили Валю:

Ладно, подумаем. Она терпеливо ждала несколько дней, а когда узнала, что штаб все же принял ее в отряд дружинников, тихо проговорила:

Спасибо. Никто не ошибся в этом человеке — не начальник цеха, ни мы. Не узнав в спрощеной, выдержанной Валентине Лебедевой удивительно заблаговременно Валю, любившую пощеголять отчаянной ликостью... что касался ее работы в отряде, то горе хулигану, который попался на глаза этой дивчине.

Так вот, несмотря на строгий отбор, дружинником стал каждый второй на заводе. Небольшой цех вырос в целую армию! А вскоре в эту армию влилось не совсем обычное соединение: пионерский патруль. Надо было видеть, с какой гордостью шествовали мальчонки и девочки надевали красивые повязки и как усердно работали старшим товарищам на улице, во дворе, в клубе.

Мы заметили большой пласт самых разных мероприятий, заручились поддержкой профессора, и начали действовать. Конечно, по-прежнему командовали мы, но в наряд патрули, по-прежнему мы следили за порядком на улицах. Но главное внимание отряд стал уделять другону.

В одной из самых больших дворов поселка выросла эстрадная площадка. Извол создан своеобразный «летний театр». Вместе с законом, с комитетом комсомола мы начали проводить вечера отдыха — с танцами, демонстрацией кинофильмов, комсомольскими вечерами самодеятельности. Вначале на каждом таном вечера дежурили наши дружинники: описали дабешню. Но вскоре надобность в этом отпала. Никто не нарушал порядка.

Здесь же, в нашем «летнем театре», стали проводиться вечера. Аудитория собиравшаяся большая — иной раз даже негде было сесть, потому что темы лекций вызвали всеобщий интерес. Каждый прилежно рассуждал о междоусобице, о положении и полете в космос, о вреде пьянства и поведении детей на улице. А по воскресным дням «летний театр» служил местом сбора рабочих заводов, которые отправлялись на массовую, в туристские поездки на экскурсию в городские музеи.

А сколько усилий направили дружинники на работу с детьми! В нашем ИЭЗе мы создали кружок «Умелые руки». Ребята перестали слоняться по улицам — теперь они занимались фотографией, кистерии модели самолетов, вышивали, что-то строили, плели ковры и поделки из глины. А дала детвора в мультоблоске, встречалась со зрительными людьми, посещала библиотеку.

Словом, воспитание человека, борьба с преступностью, улучшение жизни стали людей — главное, это все наша работа.

Вот почему так тесно связывается и сейчас одно с другим: дружинники и детская самодеятельность...

ИЗ БОРТОВОГО ЖУРНАЛА ПЕРЕЛЕТА

МЫ ЛЕТИМ НА УРАЛОМ...

У каждого журналиста есть свой заветный «узелок». И куда бы ни забрасывала его службная командировка, а какие баци ни уносила бы поездка, он все равно будет думать о встрече с заветным другом... Для одного из нас такое великое место на земле — Мангитка, дала Другую — Челябинск, а наш фотокорреспондент resides в Троцки. Он умоляет Владислава Колоскина сделать посадку в этом городе. Но, шестое, уюча начинает изменять нам: Тро-

цки закрыт стеной грозозащитных облоков. Мы проходим мимо, но фотокорреспондент все-таки расстается с нами: он едет в Троцки из Челябинска, чтобы сделать репортаж о молодых машиностроителях.

Ура!... Сегодня древний Урал, переживающий вторую молодость. Смотрю на уральское село, почти сплошь покрытую зеленью лесов, вдумаясь: каким могучим потоком во все концы страны уходят твои бары: леса, машины, рубя стволы, нефть, соль, лес... И какие же несметные богатства хранит твои недра, если по-

всюду вырастают все новые и новые строительные лесал! Мы проходим Касли, откуда по всему миру расходятся знаменитые каслинское лите, оставляем поза-

ди Сисерт и Свердловск, летим над Петропавловском — городом трубопроводчиков — и видим древние берега полноводной Камы. Вот и Пермь...

Репортаж об этом участке перелета вела бригада спецназначения фотокорреспондентов С. Симаев, Н. НЕПОМЯЩЕГО, А. НИКОЛАЕВА, В. САККА и Г. ПЕР-ОВАНЕСОВА.

Георгий МАРТЫНОВ

ВСТРЕЧА ЧЕРЕЗ ВЕКА

НАУЧНО-ФАНАСТИЧЕСКИЙ РОМАН

Продолжение. Начало см. в №№ 17, 18, 19.

— Раз начал, продолжай! — засмеялся Владилен.

Арелет полого опускался. Земля приближалась.

— Я не знаю, что надо делать, — замолился Волгин.

— Ничего не надо. Лети, куда хочешь, — сказала Мэри, подчеркивая последнее слово.

— И ничего не бойся, — добавил Владилен. — Арелет никогда не упадет.

В принципе Волгин знал, как он должен действовать. Люций не раз объяснял ему, что арелет повинуется не мыслям, а желаниям, которые, независимо от воли человека, сами создавали в мозгу нужный биоток. И хотя все это звучало для Волгина как китайская грамота, он прошел уже школу биотехнической автоматики в доме Мунция и, правда, смутно, но уловил разницу между прямой мыслью и тем, что Люций называл желанием.

Летчики-истребители двадцатого века добивались полного слияния с машиной, автоматического выполнения нужного маневра, чтобы между мозгом и рычагами управления не замечались действия рук. И лучшее из них достигали такого совершенства, что мышцы их рук и ног работали как бы сами по себе, не требуя постоянного контроля мысли летчика. Чем меньше думал такой летчик о том, КАК выполнить тот или иной маневр, тем послушнее была его машина.

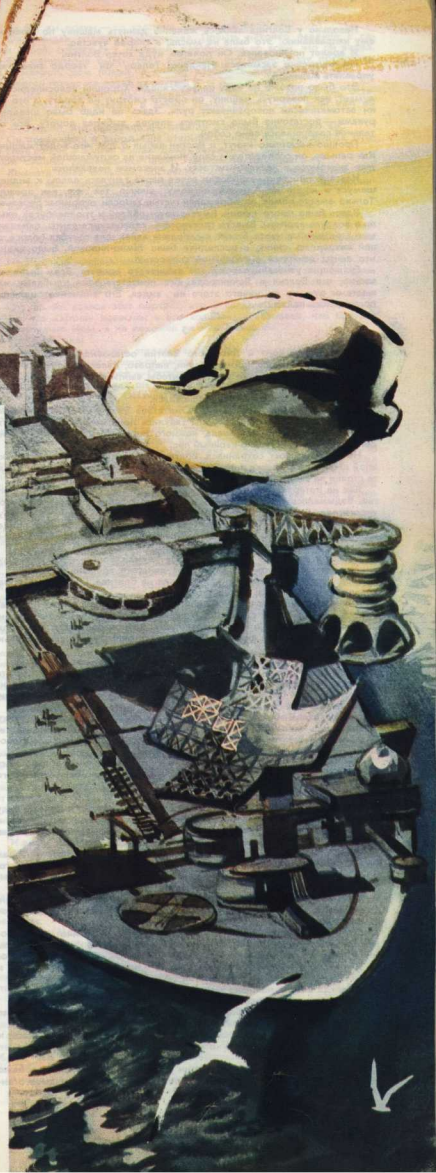
В арелете мышечные усилия были не нужны. Машину вел автомат. Но в отличие от автопилота он беспрекословно и с молниеносной быстротой подчинялся любому желанию человека, сидящего в машине. Достаточно было ЗАХОТЕТЬ, и арелет тотчас же менял направление полета, скорость и высоту.

Хорошо зная, что полет всегда и во всех случаях совершенно безопасен, Владилен, не колеблясь, предоставил Волгину действовать, как ему вздумается. И он и Мэри заставили себя не думать о пути машины, чтобы не мешать Волгину. Они стали просто пассажирами и, чтобы как-нибудь нечаянно не вмешаться, оживленно заговорили между собой.

А арелет опускался, все более и более замедляя скорость, пока не оказалась почти у вершин деревьев. В метре от них умная машина словно в нерешительности остановилась. Она ждала решения человека.

«Бибернетика, — вспомнил Волгин ускользавшее от памяти слово, — доведенная до виртуозного совершенства. Ну, вперед! К той вои полянкель»

Но арелет не двигался.

Новелю у Волгина явилось желание двигаться машину по нужному ему направлению. Это было не мысль, а скорее чувство.

И арлет повисовал. Он пролежал, куда хотел Волгин.

— Он внутренне засмеялся. Найден! Теперь он твердо знает, как управлять машиной.

Это было похоже на езду на велосипеде. Хороший велосипед не думает, как повернуть машину, он просто смотрит на дорогу, а его руки автоматически выворачивают руль. Здесь не надо было шевелить руками — достаточно было смотреть вперед, выбирая дорогу. Все остальное совершалось само собой.

Прошло несколько минут, и Волгин забыл о том, что ведет машину. Как раньше, он осередковал свои занятия на окружающей местности, ищя в знакомом или незнакомом лесу, где знакомое появлялось.

Невский проспект — широкая аллея парка тянулась вдоль, а идущие в конце ее Адмиралтейского шлюпа, так же, как прежде. Только вместо домов ее обрамляли густые заросли огромных деревьев. Здесь было много людей. Вместо автомобилей и троллейбусов пыли в воздухе арлетыв. Вывост тротуаров — движущиеся ленты, окрашенные в различные цвета. Влеву шла голубая полоса, за ней находилась синяя, а последняя была темно-лиловая. Было видно, что ленты движутся с различной скоростью.

Гулочию узнавали пассажиров вишневого арлета. Всем было известно, что Волгин в Ленинграде. Его приветствовали улыбками или жестами рук, но из ничего этого не видел. Его внимание целиком поглощало пейзажам.

3

На углу Невского и Литейного Волгин остановил арлет. Налезо не было видно никого, кроме зелени, направо, далеко, выдвинулся арка моста. Волгин решил лететь прямо, чтобы выйти к Неве у Дворцовой площади.

Через минуту арлет снова остановился.

Фонтанка изменила свой вид. Она стала уже, и вместо каменных стенок набережной в обе стороны тянулись пологие откосы от берега темно-зеленого материала, никакого пологого не мракши. По блестящим рекам рос истинно-красный лес.

Но Анчиков мост сохранился. Волгину показалось, что он несколько иной ширины и решетка ларавлата другого рисунка. Конные статуи Клодта стояли на своих местах.

Вот и потертые и снова обретенные желтые лаки на рух Волгин. Вдвдмались на дабы динке конц, сдвринваемые смежной рух укротителя. Разрввались по ветру спутанные гривы. А внизу, по хрустально прозрачным водам реки, которыми искусственное дно придавало зеленоватый оттенок, скользяли легкие люди. Картина была очень красива в рамках зелени, под безоблачным небом.

— Сложилось так, что горький умал — это — Но как умудрился они сохранить скульптуры от действия времени!

Люди останавливались на мосту, глядя на дествия. Постепенно образовалась толпа. Он не видел этого.

Анчиков дворец исчез. Одному стояла на старом месте мутная ограда работы Росси с кожными и северными павильонами по концам. За нею должна была открыться панорама Александровского ансамбля. Еще с воздуха Волгин видел ее характерные очертания с узкой щелью улицы Росси.

Арлет полетел дальше.

Гулочию в Октябрьском парке, арлетю, удивлялись, что Волгин совершенно не обращает на них внимания, не отвечает на их приветствия хотя бы движением руки. Вряд ли они могли понять причину его поведения.

Мэри сказала об этом Владигену. Он молча пожал плечами в ответ.

Повинуясь желанию Волгина, арлет облетел Александровский театр, никоем жельте здания-ближние улицы Росси — и снова остановился вплотную у памятника Ломоносову.

Площадь имела такой же вид, как и в двадцатом веке. Только мост через Фонтанку был другим, и на том берегу не видно было ни одного дома.

Потом он вернулся на Невский.

Волгин сам удивлялся, как легко и быстро он привык к новому виду Ленинграда. Как будто так было всегда. Ему уже не казалось странным и непривычным зеленый фон, на котором так резко выделялись знакомые ему здания. Они выглядели очень красиво на этом фоне.

Вот и Кавказский мост, как и прежде, музей истории великий. И так же стоит по коням Воронжичской колоннада скульптуры Орловского. И даже фонтан Томона, построенный в 1808 году христианской эры, был, как и прежде.

Забыв обо всем, Волгин любовался с детства знакомой картиной. Арлет неподвижно стоял на месте, повинуя в воздухе на высоте одного метра над землей.

Заметив внимание, с каким Волгин рассматривал здание музея, люди в аллее стали переходить на другую сторону, чтобы не загоразничать собой уда. Между вышнвным арлетом и собором образовалась пусто. Другие машины останавливались выше или позади их. Снова, как и на Алчиковом мосту, собралась сотня людей.

И тогда Волгин наконец заметил это скопление.

— Так происходит всегда, — спросил он, — или это из-за меня?

— Думаю, что из-за тебя, — осторожно ответил Владиген, давню уже убежденный в этом.

— Конечно, из-за тебя, — сказала Мэри. — Все знают, что ты здесь, и всем известно, что ты больше не избегаешь людей.

Волгин обернулся.

Сотни глаз смотрели на него, сотни улыбок приветствовали его. Было ясно, что все эти люди искренне расположены к нему и рады его видеть.

Он подняв над головой руки со скрепящими пальцами — старый привыкший жест его врагов — продолжал говорить.

— Голос проник сквозь стену машины.

— Может быть, ты склещишь им несколько слов? — обратился к нему Владиген.

— Не хотелось бы, — ответил Волгин. — Я никогда не умел говорить и, признаться, не люблю это.

— Летим дальше, сказала Мэри.

— Она ничем не высказывала своего отношения к отказу Волгина, принимая его так же, как это делал Владиген и как они всегда принимали любовь его рождения, без тени недовольства или критики.

Они находились в воздухе уже несколько часов. Волгин видел, что Мэри устала. Ему хотелось, еще долго-долго летать здесь, где когда-то находилось его родной город, но нужно было подумать об отъезде.

В Ленинграде не жил никто из тех современных людей, которых Волгин знал или о которых слышал. Он принимал, что был бы желанным гостем повсюду, что в любом доме его помнят, как родного, но ему не хотелось никого беспокоить. Побить одному, дабы был своих теперешних спутников, было бы самым необходимым.

«Где же мы остановимся? — думал он. — Есть ли у них кто-нибудь вроде гостиницы?»

Арлет быстро пролетел оставляющую часть Невского аллея. Волгин намеренно не обращал внимания на Дворцовую площадь: он знал, что неизбежно снова задержится на продолжительное время. Он прямо направил машину к площади Дежневстр.

Он так и не спросил, стоит ли там по-прежнему Медный всадник, он был в этом совершенно уверен и хотел закончить сегодняшней осмотром именно в это место.

И тут перед ним явился Волдний простор, всегда казавшийся ему необычным. Мучительно знакомые здания университета на том берегу — «Двенадцать коллегий», Дворец Петра Второго, Дом Мещикова. Расторблие колонны Томона и гранитная набережная Стрелки со спуском к Неве были те же. Не хватало здания Военно-морского музея.

А здесь, на этом берегу, все было такое же. Как девятнадцатый век тому назад, устанавливалось здание исторического арива; за зеленой, как будто той же, что раньше, закрывало небо грандиозное творение Монферрана. Находился ли за ним памятник Николаю Паровому, Волгин не видел. Стены Адмиралтейства замыкали площадь.

Арлет опустился на землю.

Волдний простор и становился перед чудесным памятником, простоявшим здесь уже двадцать один век, символом Ленинграда, во все времена известным всему миру.

Толпа окружала Волгина с трех сторон. Он не замечал никого. Из этой толпы, где только дети были ниже или одного роста с Волгиным, ни один не встал перед ним.

Волдний простор в это время года голубые уборы. Но если бы они были, толпа обняла бы его головы. Выражение лица Волгина заставило смолкнуть говор. Все, что был здесь, сразу почувствовали, что в этом свидении человека двадцатого века с почти что современным ему произведением искусства событий, не известный ни смысл.

— По лицу Волгина можно было сказать, что он и вытравил их.

С острой болью почувствовал он в этот момент свое жуткое одиночество среди людей. Во всем мире не было человека, с которым он мог бы поделиться своими мыслями, нахлынувшими воспоминаниями, вновь проснувшись тоской по прошлому. Все это были отдаленные потомки тех людей, уда потиравшие с ними прямую связь.

Нет, они не поймут его! Не могут понять!

Он повернулся и, как слепой, пошел к арлету, прямо на стоявших сзади него людей, которые поспешно расступились перед ним.

Он сел не на свое место, а позади, показывая этим, что не желает больше вестн машину и предоставляет Мэри и Владигену свободу действия.

Арлет быстро поднялся и скрылся из глаз толпы.

Пожимой мужчина, близкий стоявший от Волгина и услышав хорошо рассмотреть его лицо, сказал задумчиво:

— Несчастный человек! Я всегда считал, что опыет Люция жесток и неуживчив.

— Почему несчастный? — возразил кто-то. — Он снова живнет.

— Да, конечно. Но я лично не хотел бы о его месте.

Арлет летел быстро. Прошло несколько минут, и под ним снова показался современный Ленинград.

— Где бы ты хотел остановиться? — спросила Мэри.

— Не хотелось бы, — ответил Волгин. — Откуда захочет и захочет.

Мэри и Владиген удивленно переглянулись. По сходству слов они поняли, что сказал Волгин, но этот ответ был бессмысленным для них. Они ничего больше не стали спрашивать, а заговорили между собой о посторонних вещах, давля Дмитрию время прийти в себя. Минуты через три Мэри повторила вопрос.

— Где угодно, — ответил Волгин. — Там, где захотите остановиться вы. Только... лучше бы без людей.

— Ты устал? — ласково спросила Мэри.

Волгин задумался.

— Да, я устал. Я очень устал. Нет, я не голоден, — сказал он, предвидя слезующий вопрос. — Впрочем, вы можете маркировать меня, если захотите. Мне... все равно.

Мэри и Владиген вторично переглянулись. «Что с ним? — взглянула спросила Мэри. «Не знаю, но он явно не такой, как всегда, — так же молча ответил ей Владиген.

Волгин понял их молчаливый разговор.

«Если бы я подумал со мной было Ю, Люция или Мунция, они поняли бы меня, — думал он. — А эти двое... они слишком молодые».

Он чувствовал себя сейчас дряхлым стариком. Словно все тысяча девятьсот лет, промчавшихся по Земле со дня его первой смерти, явдуг лежали на его плечи тяжелейший грузом.

Мэри снова поговорила с кем-то по карманному телефону.

— Дом номер тысяча девятьсот четырнадцать по улице Волгина свободен — сказала она.

— Как ты сказала? — спросил Волгин. — Улица Волгина? Кто он был, мой одноклассник?

— Почему одноклассник? — улыбнулся Мэри. — Это ты сам. Все правдиве Герон Советского Союза знают улицы своего имени в тех городах, где они жили. — Есть улица.

— Улицы — перебил Владимир, поняв, что хотела сказать Мэри, — носские имена ученых, писателей, художников твоего времени.

— Мы не забываем людей, если они этого заслуживают, — добавила Мэри, подышав, что едва не допустила непростительный промах.

— Волгин хорошо помнит, что хотела сказать девушка. Здесь в Ленинграде, было не только улица Волгина, но и Волгиней. Ведь Ирина тоже была Героном Советского Союза. И она также была уроженкой этого города.

Он улыбнулся грустной и смущенной улыбкой.

— Значит, Волгин поселился на улице Волгина. Любопытно. Но тут есть странное совпадение. Номер дома точно такой же, как год моего рождения.

— Тысяча девятьсот четырнадцать, — сказала Мэри. — Она знала это и раньше. Но, когда он так просто и естественно, вот так, сидит перед ней в современном костюме, такой обычной, совсем такой же, как все, сказал это, она измучена. Названная по своей цифре, оказалась вдруг совсем не обычной, не похожей на все другие цифры.

1914!

Но новый, а христианский эго!

Это был год РОЖДЕНИЯ этого человека, которого она запросто называла по имени, ее брат!

Кровь хлынула ей в лицо, и, охваченная сильным волнением, она отвернулась.

— Там, конечно, это должно быть приятно, — сказал Владимир.

— Да, конечно, — с отнюдь не полным согласием, но с удовольствием, — ответил Волгин, но не случайно. В городе знали, что рано или поздно Волгин будет здесь. Вероятно, этот дом давненько или его освободили сейчас, когда Волгин действительно прилетел сюда.

Подобных совпадений не бывает.

Но эти люди были правы. Ему было приятно их внимание. Только было бы еще приятнее поселиться на другой улице, носящей имя Ирины.

«Этого они не могли знать», — подумал Волгин.

По тому, как уверенно Владимир привел адрес, именно к этому дому, Волгин окончательно убедился, что был прав. Дом давно ждет его, предназначен для него, и не случайно он оказался свободным.

«Если бы это была улица Ирины», — еще раз подумал Волгин, выходя из машины.

Заванея выглядела очень своеобразно: не было видно ни одного окна. Огромная веранда, так же как и доме Муниця, была узнана за ленту, а не за фасад. Крыша плоская.

— В доме искусственное освещение? — спросил Волгин.

— Нет, почему? — удивленно ответила Мэри. — Обычное.

— Стеклопакет? — догадался Волгин.

— Нет, почему? — ответила Мэри. — Это самый простой, общепринятый дом. Такой, каких сотни тысяч.

Волгин замолчал. Новая загадка! Но через полминуты она должна была объясниться, не стоило распространяться.

Дом был больше, чем дом Муниця: вероятно, здесь было комнат десять или двенадцать.

В первой — обширной гостиной, дверь которой выходила на веранду, — их ожидал молодой человек лет тридцати. Его лицо показало знакомым Волгину. Вглядываясь, он узнал Сергея, одного из помощников Иры и Люция, которого он часто видел в круглом пельменном на острове Клеп.

Комната оказалась залитой солнечным светом, свободно проходящим сквозь совершенно прозрачные потолок и наружную стену.

Но ведь только сейчас Волгин видел эту самую стену из сада, и она была совсем не прозрачной.

И он начал заглядывать на веранду и посмотреть еще раз снаружи, но он удержался. Было ясно, что Мэри сказала правду и крыша, которая выглядела такой же прозрачной, как и стена, не стеклянная. Дом был выстроен из материала, пропускавшего наружный свет, но задерживавшего внутренним.

«Ресурсур савок», — подумал Волгин.

Взлуп он ничего не сказал. Уже с хорошо усвоенной манерой внешнего равнодушия к непонятым ему явлениям, словно не видя здесь чего-либо загадочного, он обратился к Сергею:

— Здравствуй! Я рад вас видеть.

И в еще более тихом ответе Сергей, обнимая руками пожилая протянутую Волгиным руку: — Мне поручено встретить вас и познакомить с домом.

— А разве вы живете в Ленинграде? — лукаво спросил Волгин.

Молодой человек смутился.

— Я живу в Москве, — ответил он. — Но это так близко. Мы думали, что вам будет приятно увидеть этого знакомого.

— И вы были правы, — серьезно сказал Волгин.

— Я покажу вам все и удалюсь.

— Побудьте с нами.

Волгин не мог сказать иначе. Прямые представления о вежливости этого человека были в нем.

Но, и его большему облегчению, Сергей отказался, сказав, что рад будет прийти завтра.

— Вам надо хорошенько отдохнуть, — прибавил он. — Слишком много новых впечатлений.

— Да, вы правы, — с восторгом согласился Волгин.

Он ждал полного одиночества. Поблизости наконец невидя с самим собой, собраться с мыслями, разобраться во всем, что он видел.

Его нетерпение было столь очевидно, что Мэри сразу предложила осмотреть дом позже, а сейчас разойдись для отдыха.

Своей тотчас же пошел изнутри.

— Вот эту комнату мы предназначили для вас, — сказал он, оставившаяся перед дверью в левом крыле здания. — Но если вам не понравится...

— Уверен, что понравится, — ответил Волгин. — Благодарю вас. Он повернулся и двинулся. Она открылась перед ним, как всегда, будто сама собой, и Волгин вошел. Дверь закрылась.

Он слышал удивляющийся шажок. Наконечник он один! Комната была большая, обставленная с обычным комфортом. Потолок не был прозрачным, а с обеих стен, выходящую в сад, проликали широкие лучи солнца, сгущенные стелами деревьев.

Взгляд Волгина остановился на противоположной стене.

Вдвинулся, он стремительно подошел ближе, не веря своим глазам. Охваченный удивлением, ошеломленный, ошеломленный и недоумеваящий, он стоял перед тем, чего никак нельзя было ожидать увидеть.

Нанесенный масляными красками, на стене висел портрет Иры! Волгин хорошо знал, что такого портрета не было раньше. Ирина не любила даже фотографироваться и никогда не позировала художнику.

Окуда же взялся этот портрет, кто и когда написал его? То, что картину повесили в его комнате, доказывало, что портрет действительно Иры, а не похожий на нее женщины.

Это была она!

«Шли дни. Волгин все откладывал и откладывал отлет из Ленинграда. Он никак не решился расстаться с местом, где когда-то находился его родной город, — Октябрьским парком. С Владимиром или Мэри, а чаще всего один он каждое утро садился в самолет и отправлялся к берегам Невы. Остава машину даже-нибудь недалеко от Мадонно всадника, откуда он всегда начинал свои странствования и худосочные попытки, чтобы, как и раньше, он бродил по знакомым местам, разисывая следы былого.

Так он нашел место, где стоял дом, в котором он родился и вырос. И ему показалось, что одно из гигантских деревьев, росшие там, — то самое, что росло прежде во дворе. Место, где до замужества жила Мэри, она оставила в густой чаще. Владимир достал ему ламп парке, но и без плана Волгин легко ориентировался в лабиринт аллея, казавшихся ему прежними улицами, по которым он так часто ходил в первой жизни.

Почти на каждой — вилле Волгин встречал хорошо знакомое. Здания, имевшие историческую или архитектурную ценность, в Ленинграде всегда были очень много, и все они тщательно сохранялись.

Иногда Волгин совершал длительные прогулки по Неве и в ее многочисленным рукавам. Архитектурный парк во дворе быстро и беззащитно. Только лесск распустился, и деревья и дымные облака, раздвигавшиеся с одной стороны от острого носа, напоминали, что воздушный аппарат превратился в лодку.

Все эти дни стояла прекрасная погода, небо было безоблачно. Волгин знал, что это делалось вопреки расписанию специально для него. Календарь был нарушен, вероятно, ввиду того, что Мэри была в Ленинграде.

Самый парк всегда был полон людьми. Было очень много детей. Волгина замечал сразу, но ни разу больше возле него не собиралась толпа, как это случилось в первый день его приезда в Ленинград. Распорядился ли об этом кто-нибудь или это явилось следствием собственной любви новой эры чужой деликатности, изменившей им один-единственный раз, Волгин не знал.

Он видел, что на него смотрят с любопытством, но не навязчиво. Многие улыбались ему или приветствовали дружеским жестом.

Это внимание не было ему неприятно.

Ирина, Волгин спрашивал, как пришла к тому или иному месту. Ему отвечали вежливо и просто, ничем не показывая, что спрашивающий — человек необычный.

Он видел, что люди были бы рады поговорить с ним, но никто не делал ни малейшей попытки завязать разговор. Инициативы ждали от Волгина.

А он сам никак не мог заставить себя заговорить с ними о чем-нибудь постороннем. Ложный страх поставить себя в смешное положение, показаться невежественным дикарем не оставлял Волгина.

И люди, узнав, было его понимание это.

Волгин отнюдь не знал, что его опасения неосновательны. Никто никогда не улыбнулся бы его невежеству: оно было слишком естественно и понятно.

Он понимал это, но все же чего-то боялся.

Каждый день он решал, что сегодня обязательно познакомится с кем-нибудь, но каждый раз возвращаясь домой, не выполняя этого решения.

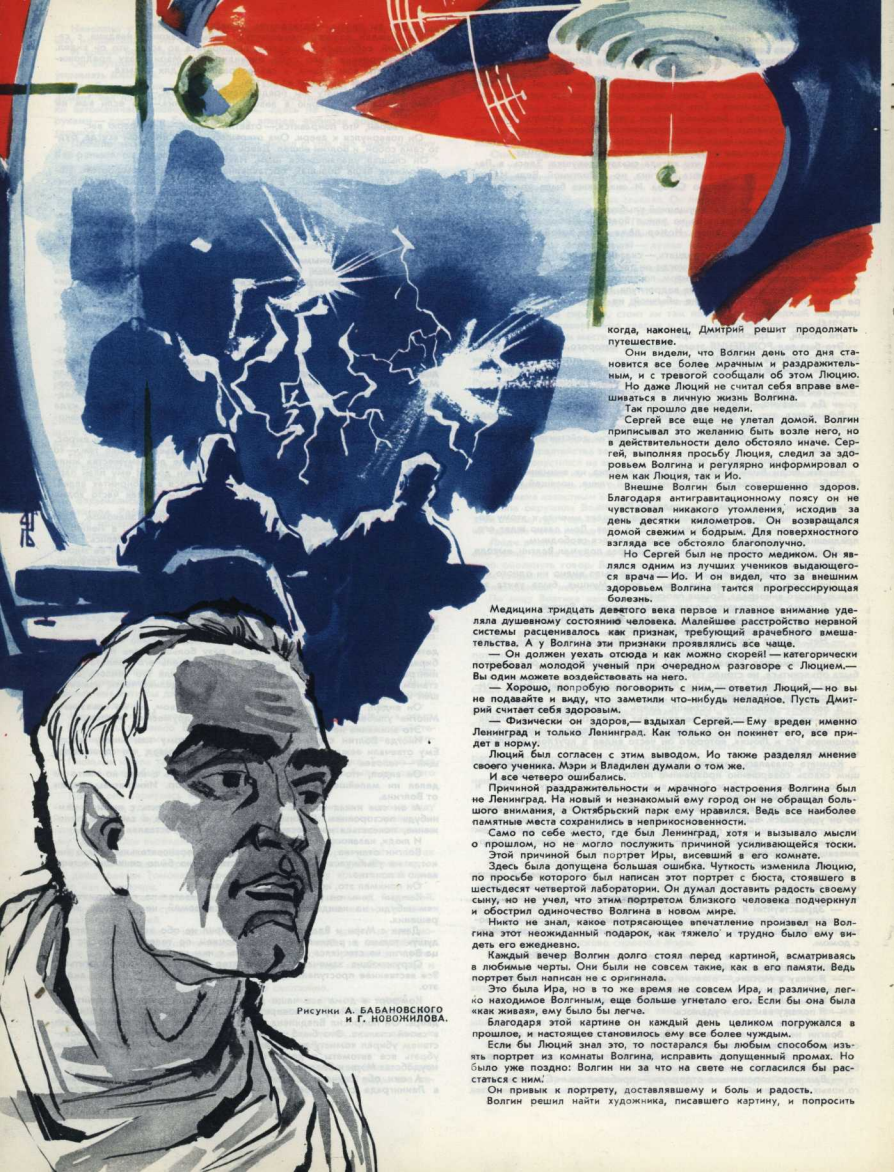
Даже с Мэри и Владимиром он говорил не обо всем. Он отводил душу только в редких беседах с Люцием по телефону. Своего отца Волгин не стеснялся и мог говорить с ним свободно.

Воскресенье замечал, что характер Волгина начинает портиться. Все явственнее проступали признаки тоски по прошлому. Он сам видел это.

Комфорт в доме все чаще раздражал его. Иногда ему мучительно хотелось своей рукой повернуть край умывальника, самому открыть дверь. Он попросил Владилена вызвать меховика и выключить автомат.

Волгин отнюдь не знал, что этот тотчас же испоганил, и Волгин с удовольствием убирал комнату и стелил постель. Он был бы не прочь вообще убраться все автоматы в доме, но сдерживался, не желая доставлять неудобства Мэри и Владилену.

А он оба скучали в этом вынужденном безделье. Пробывание в Ленинграде становилось томительным. Они с нетерпением ждали,

когда, наконец, Дмитрий решит продолжить путешествие.

Они видели, что Волгин день ото дня становится все более мрачным и раздражительным, и с тревогой сообщали об этом Люцию.

Но даже Люций не считал себя вправе вмешиваться в личную жизнь Волгина.

Так прошло две недели.

Сергей все еще не улетал домой. Волгин прикидывал это желанием быть возле него, но в действительности дело обстояло иначе. Сергей, выполняя просьбу Люция, следил за здоровьем Волгина и регулярно информировал о нем как Люция, так и Ио.

Внешне Волгин был совершенно здоров. Благодаря антигравитационному посылу он не чувствовал никакого утомления, исходил за день десятки километров. Он возвращался домой свежим и бодрым. Для поверхностного взгляда все обстоит благополучно.

Но Сергей был не просто медиком. Он являлся одним из лучших учеников выдающегося врача — Ио. И он видел, что за внешним здоровьем Волгина таится прогрессирующая болезнь.

Медицина тридцать девятого века перестала уделять душевному состоянию человека. Малейшее расстройство нервной системы расценивалось как признание, требующий арчабного вмешательства. А у Волгина эти признаки проявились уже чаще.

— Он должен уехать отсюда и как можно скорее! — категорически потребовал молодой ученый при очередном разговоре с Люцием. — Вы один можете воздействовать на него.

— Хорошо, попробую поговорить с ним, — ответил Люций, — но вы не подавайте и виду, что заметили что-нибудь неладное. Пусть Дмитрий считает себя здоровым.

— Физически он здоров, — вздыхал Сергей. — Ему вреден именно Ленинград и только Ленинград. Как только он покинет его, все придет в норму.

Люций был согласен с этим выводом. Ио также разделял мнение своего ученика. Мари и Владимир думали о том же.

И все четверо обшались.

Причиной раздражительности и мрачного настроения Волгина был не Ленинград. Но новый и незнакомый ему город он не обещал большого внимания, а Октябрьский парк ему нравился. Ведь все наиболее памятные места сохранились в неприкосновенности.

Само по себе место, где был Ленинград, хотя и вызвало мысли о прошлом, но не могло послужить причиной усиливающейся тоски. Этой причиной был портрет Иры, висевший в его комнате.

Здесь была допущена большая ошибка. Чуткость изменила Люцию, по просьбе которого был написан этот портрет с бюста, стоявшего в шестьдесят четвертой лаборатории. Он думал доставить радость своему сыну, но не учел, что этим портретом близкого человека подчеркнут и обострил одиночество Волгина в новом мире.

Никто не знал, какое потрясающее впечатление произвел на Волгина этот неожиданный подарок, как тяжело и трудно было ему видеть его ежедневно.

Каждый вечер Волгин долго стоял перед картиной, всматриваясь в любимые черты. Они были не совсем такие, как в его памяти. Ведь портрет был написан не с оригинала.

Это была Ира, но в то же время не совсем Ира, и различие, легко находимое Волгиным, еще больше угнетало его. Если бы она была «как живая», ему было бы легче.

Благодаря этой картине он каждый день целиком погружался в прошлое, и настоящее становилось ему все более чуждым.

Если бы Люций знал это, то постарался бы любым способом изъять портрет из комнаты Волгина, исправить допущенный промах. Но было уже поздно: Волгин ни за что на свете не согласился бы расстаться с ним.

Он привык к портрету, доставлявшему и боль и радость. Волгин решил найти художника, писавшего картину, и попросить

Рисунки А. БАБАНОВСКОГО
и Г. НОВОЖИЛОВА.

его изменить отдельные детали и выражение лица на портрете, которые совсем не соответствовали характеру Ирины. Она никогда не была такой — замкнувшейся в «чужестранности», строгой жрицы науки, как на портрете — и в полноте не этой худобы.

Одна из этих деталей особенно была неприятна Волгину. На первом платье Иры блестяла Золотая Звезда Героя.

«Неужели они не могли узнать подробности ее жизни! — думал он с досадой. — Ведь она никогда не носила звезды. Она была награждена посмертно!»

Звезда на груди Ирины, совершенно такая же, какую носил постhumо сам Волгин, подчеркивала разницу между ними. Она умерла, погибла, но звезда, что удостоена высочайшей награды, а он живет, и весь мир чит его, как героя былых времен.

Она умерла, а он жив.

Эта мысль постепенно становилась невыносимой для Волгина.

Своим поступком, вызванным самыми лучшими чувствами, Люций достиг того, чего и он и Ио боялись больше всего, — разбудил в Лодии неугасящую тоску, которую теперь вызвать уже было исцелить.

Но сейчас — даже не в этом — заключался чудасный фокус. И однажды, когда соснувшийся Волгин вызвал его по телефону, Люций, как бы мучим прочим, спросил его, думает ли он когда-нибудь продолжать путь. Вопрос был задан в шутливом тоне, и Волгин не заметил ничего необычного в этом вопросе.

— Да, — ответил он, — на днях я думаю перелететь в Москву. Мне трудно оставаться в Ленинграде.

— Тебе тяжело?

— Нет, не тяжелее, чем будет в любом другом месте. Мне хорошо было в доме Муниця, — выросла у Волгина. — Там я был иногда даже счастливым.

Люций пытался посмотреть на сына.

— Ты хочешь сказать, что чувствуешь себя несчастным?

— Не то что несчастным, но очень одиноким. Мне не хватает товарища, хорошо понимающего меня спутника. Такого, который мог бы понять и разгадать мои чувства. Марфа, задумавшись, чудасный фокус и

испустил любовь, но они не всегда способны понять меня. Ведь они так безмерно моложе меня. Все любят, — тоскливо продолжал Волгин, — все заботится, все окружает меня вниманием. А когда все люди кругом друзья, настоящего друга нет. Ты знаешь, — прибавил он с улыбкой, — иногда мне раздражает внимательное ко мне отношение.

— Ты соблюдаешь предписанный мною режим? — неожиданно спросил Люций. — Делаешь волновое облучение?

— Ты думаешь, что у меня нервы не в порядке? Возможно, что это так. Да, я выполняю все. Очень аккуратно. Это можно подтвердить Владимир.

Ион сказал это машинально. Он знал, что Люций и в голову не может прийти усомниться в его словах.

— Советую тебе уехать из Ленинграда, — сказал Люций. — Незаметно для тебя самого родные места влияют на тебя.

— Не думаю, чтобы это было так, — ответил Волгин. — Но я уеду и очень скоро.

И он действительно сказал на следующее утро Мэри и Владичену, что пора отправляться дальше.

Молодые люди обрадовались.

— Когда же мы уедем? — спросила Мэри.

— Завтра. Сегодня я в последний раз слетаю в парк. А завтра в Москву! Не бойтесь, там я не задержусь так долго, как здесь. Наше путешествие пойдет быстро.

— Мы не торопимся, — сказал Владимир. — Задерживаться, где хочешь и на сколько хочешь.

Волгин сказал Ио, что Золотая Звезда на груди Иры раздражает его, и объяснил почему. На следующее утро он не увидел этой звезды.

Она была закрашена и с таким искусством, что нельзя было заметить ни малейшего следа.

— Кто это сделал? — спросил Волгин.

— Это ответил Мэри. — А кто развел люков?

— Наоборот, очень хорошо. Так ты, значит, худощав? —

Ничуть. Училась рисованию, как все, и не обладаю способностями.

Несомненно, она говорила правду. Но работа была выполнена с большой мастерством. Следа от выведенной иероглифом, будто на этом месте никогда ничего не было. Чувствовалась талантливая рука.

Ответ Мэри заставил Волгина задуматься.

Она говорила искренне, в этом не было никакого сомнения. И в точности знания современных людей она действительно не обладала художественными способностями. Мэри во всем была обычной, радужной женщиной. Но был слух, когда Волгин спросил Владимира исполнить обещание и спеть. Молодой астроном тотчас же согласился, и вдвоем с Мэри они исполнили сцену из старой (написанной еще в тридцать лет после смерти Волгина) оперы. Сила и красота голоса Владимира удивили Волгина. Но зареве, задумавшись, услышал одного из лучших певцов века, но Мэри. — Она пела так, что любому театру двадцатого века могла быть выдана в приданое. А вместе с тем она считала — и это подтверждала другие, — что у нее нет и не было вокальных способностей.

Значит, так летать и рисовать могли все.

Это было нормой для людей тридцать девятого века.

Волгин вспоминал рисунки древних египтян, они выглядели работой детей. Но их рисовали не дети, а художники Древнего Египта, особо одаренные люди.

Да, подавляю к понятию талант изменился. Способности человека совершенствовались вместе с его бытием. Такого качества, каким обладал Владимир, не было и не могло быть прежде. А Мэри казалась всем самой обыкновенной женщиной, кумовщицей петь, и только.

Волгин вспоминал детскую книгу о технике, которую он так и не смог одолеть. Это было явление того же порядка. Для детей этого

времени непонятна она книга, безусловно, была легко читаемой, в противном случае она не была бы написана для них.

И, удачно об этом, Волгин впервые почувствовал тревогу. «А смогу ли я дотянуть их? — подумал он. — Что, если передо мной все-таки не мисс, а неведомый протест?»

В этот день он так и не вернулся к вечеру из Октябрьского парка. Всю ночь он бродил по аллеям, любящих наиболее памятными ему зданиями при свете луны.

Обеспокоенная Мэри связалась с ним по телефону, но, узнав причину отъезда, как всегда, не возразила ни словом.

Уже под утро Волгину захотелось в последний раз прокатиться по Небе. Поднявшись по реке до здания Смольного, он повернул назад и направил арлет к Финскому заливу.

«Надо посмотреть на Кронштадт, — решил он, — ведь я еще не видел, что стало с этим островом».

Арлет плавно и быстро шел вперед. До Кронштадта было минут пятнадцать пути. Волгин поудобнее устроился в мягком кресле.

Равномерный шум расквашенной воды действовал усыпляюще, и, углубившись в бессонную ночь, Волгин незаметно заснул.

Он проснулся только тогда, уже наступил день. Кругом не видно было никаких признаков берегов.

Волгин находился в открытом море.

В арлете, по-прежнему мчавшемся вперед, было жарко и душно.

Волгин отодвинул стекло, но сильный ветер заставил тут же задвинуть его. Тот же ветер оставил машину.

Он закатился на волнах. Море было хмуро и неспокойно. Но это не смущало Волгина: в любую минуту он мог подняться в воздух.

Сколько же времени он спал!

Узнав у Волгина не было. Они давно вышли из употребления, люди указывали время с помощью часовых поясов. Для этого достаточно было слегка нажать на верхнюю крышку. Автоматический голос называл час и минуту. Это происходило совсем так же, как в двадцатом веке с помощью телефона АТС. Только телефон всегда находился в кармане, вполне заметная вещь.

Волгин узнал, что уже половина одиннадцатого.

Значит, он спал более пяти часов. Он хорошо помнил, что вернулся к арлету около пяти утра.

За пять часов арлет на полной скорости мог уйти очень далеко.

Прямо по воде он двигался надвываясь. Для этого достаточно было незаметно быстрее самых быстроеходов гласислов.

Прежде чем заснуть, Волгин направил машину к Кронштадту. Она давно миновала его, автоматический обогнул остров. Куда же помчалась она дальше!

Волгин знал, что предостереженный самому себе арлет в воздухе летел прямо, по заданному направлению. Но на воде он вел себя, как любая лодка. Ветер и течение могли изменить курс.

«Неужели меня занесло в Балтийское море? — подумал Волгин. — Он не мог определить, где север, а где юг. Солнца не было видно за туманом, поэтому в Ленинграде поодерживали аскую погоду, а здесь, очевидно, было место, куда направляли облака.

Они нависли низко. Значит, подняться и свернуть попытаться увидеть землю было бесполезно. Куда же направить арлет!

Волгин не испытывал никакого волнения и нисколько не боялся. В его расквашенном море находилась надежная и звуковая машина.

Его только тревожила мысль о Мэри и Владичене. Они должны были очень беспокоиться.

«Надо сообщить им и заводно поговориться».

Он снова вынул телефон и тут только вспомнил, что не знает номера ни Владимира, ни Мэри. Ему не пришлось самому связываться с ними, они сами вызвали его до сих пор.

Ему говорили, что любой индекс и номер можно узнать в справочнике. Но как вызвать его? Этого он также не знал.

«Не беда! Я сообщу Люций, а он передаст мне», — успокоился себя Волгин.

Телефон был в полной исправности, но проходили минуты, а Люций не откликнулся. И тогда Волгин вспомнил то, что не мог сообразить сразу. Работая в своей лаборатории, отец имел привычку прятать телефон в ящик стола, чтобы, если-нибудь случайный вызов не помешал проводить операцию.

Вспомнил, конечно, Люций в лаборатории и не может услышать тихое гудение прибора.

«Нерпятистая история», — подумал Волгин.

Он решительно поднял машину в воздух. Повернув ее на то восемьдесят градусов, он полетел наугад.

Для арлета любовь берег Балтийского моря находилась не очень далеко. Через несколько минут Волгин должен был достигнуть земли. А там всегда попадется какой-нибудь дом, в котором есть люди, и все будет в порядке.

Его не удивило, что Мэри и Владичен не вызывают его. Наверное, они делают это все утро и, не получая ответа, воображают, Бог весть что. Вероятно, сейчас в Ленинграде множество людей заняты поисками пропавшего арлета.

Волгин хмурился, думал об этой тревоге, вызванной им. Не следовало уплывать в море, будучи сильно утомленным. Кронштадт мог было осматривать когда угодно.

За весь вечершний день Волгин так и не ел ничего, и теперь голод давал себя чувствовать.

Визу показался остров. Подлетев ближе, Волгин понял, что ошибся: это был не остров, а судно, очень большое, неподвижно стоявшее среди моря. На нем не было ни мачт, ни труб, потому он и показался сперва невидимым островком.

На палубе было много людей. Они махали руками, точно подавая сигналы. А может быть, просто приветствовали его.

Волгин решил, что верно последнее, и пролетел мимо.

[Продолжение следует.]

НАБИРАЯ ВЫСОТУ

О ТВОРЧЕСТВЕ РОБЕРТА РОЖДЕСТВЕНСКОГО

Л. ЛАВЛИНСКИЙ

В сборнике «Испытание», который сделал широко известным имя молодого поэта Роберта Рождественского, есть стихотворение, посвященное Мусе Джалилеву. Восхищаясь мужеством героя Отечественной войны, за час до казни создавшего свою последнюю поэзию, Рождественский пишет:

Я хочу, чтоб но мне
его твердость пришла,
Чтоб не смел ни минуты
растравливать я.
Чтобы каждая пена
такою была,
Будто это последия
моя.

Четко выражена гражданская тематика, публицистичность, «громкая» ораторская интонация — таков творческий облик поэта Роберта Рождественского.

Кажется, что сама тема «Моей любви» предназначает эту поэму не для чтения с трибуны. Но Рождественский по-маловски индивидуален в содержании.

Двое любят друг друга, мечтают о будущем счастье, хотят уехать в тайгу строить «город-песню». Но оказывается, что для него жизнь — это весь мир, а для нее — «тридцать квадратных метров» обязательского благоустройства. Назревает разрыв... Ситуация как будто не нова, и сам поэт признается, что «немолодо прочтано про это».

Во вступлении к поэме автор задается вопросом: имеет ли он право рассказывать людям о своей жизни? Он не бывал «в огню», «не моли пылъ долог». Представляет ли его небольшой жизнен-

ный опыт интерес для читателей? Поэт решает, что право на разговор с читателем дает ему горячая, честная, требовательная любовь. О такой любви надо говорить. И хотя в создании поэмы Рождественскому помог творческий опыт Маяковского и других советских поэтов, в произведении много нового, оно дышит поэтической свежестью.

Что же это новое? Прежде всего сам лирический герой. Это юноша, принадлежащий к той части послевоенного поколения молодежи, которая отличается некоторой оравжаренностью. Ироническую характеристику подобных людей поэт дал в стихах:

Вышли в жизнь романтики,
Ум у них звание,
Кроме миметики,
Словности не знавшие...

Кто виноват в этом? Очевидно, школа, родители. Мать герой не ждала сил, что только сын не пил, но не научила его бороться с жизненными трудностями. Любовь оказалась первой серьезной пробой сил молодого человека. Ему, видящему жизнь сквозь розовые очки, кажется невероятным, что девушка может любить стихи, красиво говорить о будущем — и мечтать о квартире «по плану».

Естественно, в поезде много боли и горечи. Но наряду с навязчивым в герою есть честное и решительное стремление жить «для других» и это тоже неотъемлемая черта поколения «романтиков». Оскорбленный пошлостью, герой не примиряется с ней. Вопрос ставится ребром: «С кем ты, любима!» С ними, приспосо-

бленцами, шкурниками, или со мной? Третьего, как говорится, не дано. Так в жизненных трудностях мужает поколение, обнаруживает свою крепкую советскую кость, набирается опыта борьбы.

«Моя любовь» — первое крупное произведение Рождественского, и оно впитало в себя многие темы сборника «Испытание». Борьба с пошлостью, стилистичностью, воспеание жизни, «честной, до последнего стука в груди», — вот в чем пафос этой книги. В ней много стихов, написанных со страстным гражданским темпераментом, волнующих читателей. Но автору еще часто недостает знания жизни. Это сказывается в известной отвлеченности некоторых произведений, в неточности поэтического адреса. В стихотворении «О разлуке» поэт, например, упрекает девушку, порвавшую с любимым, и запальчиво требует: «Прощенья у него проси!» Но читателю трудно разделить мысль автора, так как из стихотворения невозможно ничего узнать ни о личности парня, ни о существе его ссоры с любовью.

В сатире «По поводу» поэт ополчается против лектора из Общества по распространению знаний, выступающего перед заводской «федюшкой». Тот высказывает бредовое утверждение, что «любовь — просто влечение по любви». Рождественский словно забывает, что такого торе-лектора у нас на душевный выстрел не подпустят в аудитории. Да и это самое главное для автора. Ему важно разбить ложный, нигилистический взгляд и через отрицание

показать собственное отношение к любви, к дружбе.

Рождественский — автор «беспокойного характера», постоянно ищущий, растущий, — очевидно, вскоре заметил и некоторую тематическую ограниченность сборника. В многочисленных поездках по стране, во встречах с людьми он накапливал жизненный опыт, крен его поэтический голос. Появилась книга «Дрейфующий проспект». То, что в «Испытании» по большей части только намечалось, программировалось, в этой книге приобрело конкретную жизнь, зримые очертания. Вот она, романтика труда, в действительности, вот она, честная «до последнего стука в груди», жизнь, в ее повседневном произнесении:

Очень медленно движутся сапки.
Как будто стальные.
Как будто из камня.

Смелый, подвигавший
Почти незаметно.
А то вдруг голышам,

рыбаным, —
Еще на полметра...
Еще на полметра...
А снег под ногами

предательски прирст...
И лезет мы.

На руки встроило дна,
Штапель.

Проваливаясь по пояс,
По ровному полю,
Кан в гору иртуру...

Мысленно протавишь с героем
ляжку тяжелых саней на обиходном
зимнем ветру, читатель поверит общению, к которому его подвел поэт. Глубоко вошла в плоть и кровь героя привычка к мужественному, благородному труду:

...Мне долго еще будет снится
такое:

Нежданно
Приходит Большая Работа,
Получая —
И мы поднимаясь с Моск.,
Аврал —
И рубашки дымятся от пота.

Ярко выписанные образы советских полководцев, для которых героизм стал обычным делом, — самое лучшее в книге «Дрейфующий фронт».

Рождественский одним из первых начал писать о завоеваниях советской авиации. И его произведения на эту тему значительно превосходят газетные слодневки. В его стихах, как правило, не только выражается восхищение по поводу великих событий в отечественной науке, но и заложена глубокая мысль. В нашей периодике часто цитировались строки из отдаленного стихотворения «Людьми, чьих фамилий я не знаю». Так вот назвал советских ученых — портретов космоса, чьи имена в силу особых условий остаются до поры неизвестными народу. Вспевая «великих без фамилий», Рождественский замечательно точно сформулировал отношение советского человека к славе, к легкой известности: главное не в том, чтобы по свету гремела твоя фамилия, а в сознании того, что дело рук твоих нужно народу. Поэт рассматривает наши победы в космосе и исторической перспективе, раскрывает их закономерность.

Родилась поэма «Спутник». С высоты, на которую поднялся первый искусственный спутник Земли, поэт решил оглядеть весь пройденный человечеством путь. Уже на заре истории, когда земля в представлении людей «покачивалась на трех китах», поэт различает две линии в развитии общества. Такова диалектика исторического процесса. Одна идет через «разрушитель, полководца владычицы Рим» и средне-

вековые костры инквизиции к мертвающему далакству капиталистического общества, к бесмысленным кровопролитным войнам. Другая — это порождающая победы и победы выходящая за пределы эстафеты передовых идей, могучих народных движений, научного познания мира. Правда, в обществе, построенном на эксплуатации, их единство, поэт, «на много веков отодвинул эпоху». Но вот в России, которую считали отсталой, полуаграрной страной, гремит клик прелетания: «Мы — не рабы! Строй, где человек человеку — враг, рухнет». И Родина Советов семимильными шагами идет по пути прогресса, оказывается преемницей эстафеты. Поэт показывает нерасторжимую связь достижений естественных наук с передовыми социальными идеями.

Наполненная героической романтикой научного исследования, поэма Рождественского заняла видное место среди произведений Шныра и предвосхищает и кадетализм... Еще много этих «я». Вплоть до наших дней, которые автор также стремится очернуть во всех направлениях: борьба за мир, покорение в нашей стране целины, подъем сельского хозяйства, успехи ракетной техники и т. д. Известное изречение гласит: «Нельзя объять необъятное». Все перечисленное — крупнейшие исторические вехи, но для поэтического замысла «Спутник» это явления слишком разномащитные. Нужно отыскать строгающие пропорции в рассказе о них. Сейчас же в рассказе возмещение порою сбивается на скучный, хронологический пересказ событий.

В текст поэмы Рождественский

включил много лирических отступлений, песни. Они выделяют главные события, основные образы, позволяют рассмотреть их как бы в увеличительное стекло. Однако и эту поэму иногда считают чувствую мерью. Хочется надеяться, что Рождественский еще вернется к работе над своим монументальным произведением.

Роберта Рождественского отличает острое ощущение поэтического долга перед людьми. Чрезвычайно широк диапазон молодого автора, разносторонни его интересы. Он хочет воспеть всюду, охватывая на самые различные явления жизни. Разнообразен поэт и в жанрах: пишет лирические стихи и сатиры, создает стихотворный текст к киносеансам, литературные пародии и крупные художественные полотна.

Вчитываясь в произведения, созданные за последние годы, замечаешь, как вырос Рождественский далеко за пределы отборника «Испытания».

Сравнительно недавно поэт написал текст к «Реквиему» композитора Кабалевского. Это, впрочем, вполне самостоятельное произведение, провозглашающее подвиг советского народа в Великую Отечественную войну. Однако стихия музыки чувствуется в «Реквиеме» с первых же строк. Звучат как бы две темы. Одна — торжественно-приподнятая:

Вечная слава героям.
Вечная слава!
Вечная слава!

Другая — мрачная, выражающая трагедию войны:

Но зачем нам, им, эта слава,
Мертвым!..

Все живое спалиши,
Собой не спасиши!

В последующих строках трагическое напряжение нарастает.

Многократные повторы, как отголоски эха в горах, необычайно усиливают голос поэта, придают ему трагическую мощь. Перед читателем развертывается бездна отчаяния матери, потерявшей на фронте сына. Используя образы фольклорных плачей, поэт придает этому трагическому образу широкоэпическое звучание, следуют олицетворения: «Слеза родится в горе». Но все шире, торжественнее выступают в «Реквиеме» жизнеутраждающие аккорды. Рождественский глубоко раскрывает конфликт мрачных и светлых сил жизни, трагическую диалектику войны. Страшна и безобразна смерть, но вечен и невыразимо прекрасен подвиг людей, отлавивших жизни в бою за независимость Родины. Величествен и страстный «Реквием» славит беспримерное мужество сынов Советской Армии, наполняет сердце читателя великой гордостью за войну. Но имени живых, солдатки их великое дело — борьба за счастливое будущее Родины. Так мертвые участвуют в сегодняшней жизни. Так жизнь продолжает смерть.

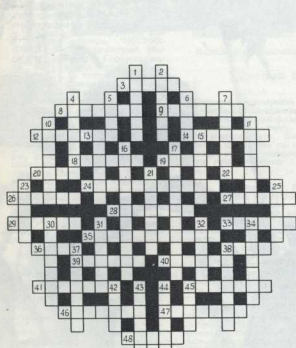
Рождественский — один из ярких поэтов послереволюционного поколения молодежи. Всем характерное свое творчество, пылкой гражданственностью чувств и мысли, боковой, нестандартной романтикой он привлекает к своим стихам массы читателей. Он близок им по своему душевному складу, горячему темпераменту. Ведь несмотря на перерыв в мирной летучей комсомольской «Гатарины» из многих произведений советской поэзии особенно полюбился «Реквием».

Рождественский в постоянном творческом творении, как бы борется за новые, большие темы, пробует новые формы... Подобно своим героям, автор совершает неуклонный подъем: движется к вершинам поэтического мастерства.

К Р О С С В О Р Д

МУЗЫКА И ТАНЕЦ

Составил С. МЕРМЕРУНОВ,
г. Кировой Рог.

- По горизонтали:
3. Русский музыкальный критик и композитор. 6. Французский композитор XIX века. 9. Украинский струнный инструмент. 11. Советский хороводный ансамбль. 14. Русский гитарист и композитор. 15. Песня Ж. Бизе. 19. Периодическое музыкальное просвещение. 20. Опера Велли. 22. Знамя в начале второго акта. 24. Русский народный плясочный танец. 26. Персонаж оперы М. Глинка. 28. Советский композитор. 29. Французский певец и киноактер. 28. Автор оперы о Лусе Дивалье. 29. Выступавшая часть венгерского танца чардаш. 33. Выдающийся русский музыкальный критик. 34. Советский композитор, член Всесоюзного Совета артистов. 36. Устные народные песенные произведения. 38. Мелодичный инструмент. 28. Персонаж оперы П. И. Чайковского «Валерия Анжуйская». 40. Опера А. Тома. 41. Советский композитор «Винзловские приключения». 45. Софременный болгарский композитор. 46. Знамя продолжения музыкального звука, паузы. 47. Грузинский народный танец. 48. Персонаж оперы М. Мусоргского «Борис Годунов».

- По вертикали:
1. Народный артист СССР. 2. Автор оперы «Семь инструментов». 4. Директор, руководитель Государственного симфонического оркестра. 5. Древний шиповый инструмент. 6. Белорусская плясочная песня. 7. Песня о комсомольце, герое гражданской войны. 8. Песня о комсомольце В. Моцарта. 11. Жанр фольклорной музыки, широко развитый в творчестве Ф. Шопена. 13. Балет А. Аладина. 24. Русский народный инструмент. 26. Один из элементов искусства исполнения на пианино, арфе. 17. Автор оперы «Аскольд и Милорада». 21. Советский маэстро симфонического оркестра. 23. Грузинский бубен. 25. Старинный французский танец. 30. Автор оперы «Дети чужбины». 31. Опера П. И. Чайковского. 32. Опера И. Кальмана. 34. Персонаж оперы Д. Верди «Травиата». 35. Опера И. Бетховена. 38. Опера Д. Кюи. 42. Белорусская плясочно-вокальная песня. 43. Французский танец в балете. 44. Итальянский духовный инструмент и румынский народный танец.

ОТВЕТЫ НА КРОССВОРД, НАПЕЧАТАННЫЙ В № 18

- По горизонтали:
1. Базаров. 5. Пергамент. 8. Мартен. 9. Уинниум. 12. Брест. 13. Фьяльм. 14. Динас. 19. Трофимов. 20. Гагарина. 21. Аскандер. 23. Сварас. 27. Бетон. 28. Лусе Дивалье. 29. Антра. 32. Звездик. 33. Леонав. 34. Андромеда. 35. Монитор.
- По вертикали:
1. Брента. 2. Зиганшин. 3. Рамбуле. 4. Венчин. 6. «Нарспи». 7. Кулиса. 10. Приоритет. 11. Садовский. 15. Атлас. 16. Ротр. 17. Маная. 18. Нарва. 22. Анюла. 24. Рентор. 25. Электрон. 26. «Дипломат». 33. Пленум. 31. Кофдор.

миллион сильнейших хоккейных команд страны — уравнение со многими неизвестными. В прошлом сезоне «хоккейное уравнение» решалось в три действия. И в каждом из трех надо было определить три неизвестных. Сначала для того, чтобы узнать, кто попадет в «большую шестерку». А потом для того, чтобы узнать, кому из этой шестерки можно выписывать пропуски на пьедестал почета.

В одной подгруппе все решилось без особых затруднений. Лучшие — «Химик», ЦСКА, «Локомотив», когда и там уже были известны двое сильнейших — «Крылья Советов» и «Спартак», — определением последнего неизвестного дело вдруг осложнилось. Для окончательного решения задачи оставалось всего три «урока» по двадцать минут, во время которых горьковское «Торпедо» должно было держать экзамен на аттестат «хоккейной зрелости». Сопоненты у торпедовцев были грозные. В Горький приехали московские мастера хоккея из «Динамо». Лишь на один каверный вопрос не сумел ответить им вратарь горьковчан Виктор Коноваленко. Зато его друзья — Александр Рагов и Роберт Сахаровский — дважды заставили краснеть лямпочку за воротами москвичей. Так торпедовцы получили драгоценные два очка, а вместе с ними и большие надежды.

Молодая команда горьковских автозводцев, которую тренирует тоже молодой, но уже заслуженный тренер Российской Федерации Дмитрий Богвинов, совершила настоящей спортивный подвиг. Торпедовцы впервые в истории хоккейных чемпионатов страны опустили перед динамовцами Москвы шлагбаум на пути к пьедесталу почета. Поезд за золотыми, серебряными и бронзовыми медалями ушел без динамовцев. Пассажирами его были армейцы, железнодорожники, спартакиовцы, хоккеисты из «Крылышек» (у всех — московская прописка) и два молодых хоккейных анклава: один — из Воскресенска («Химик»), другой — из Горького («Торпедо»).

Поезд шел на хоккейный Олимп. На каждом контрольном пункте (а их было много на пути) одним пассажиром строго контролеры-судьи ставили на «визах» заветные штампы — «2 очка», давніше право на дальнейшее движение к конечной станции — пьедесталу почета. Другим полагали печальную отметку «0» и должны были смириться с тем, что сойти с поезда им придется за четыре или за пять остановок до конечной.

Особенно удачно проходили контрольные пункты ЦСКА и «Торпедо». И к 16 февраля только они имели не аннулированные «визы» на первые две ступени пьедестала почета. И вот 16 февраля наступила вторая кульминационная точка в решении «хоккейного уравнения». Дважды она наступала в чемпионате и дважды на горьковском льду. Автозаводцы снова должны были совершить спортивный подвиг — победить «Крылья Советов». Эта победа выводила «Торпедо» на «серебряную орбиту» чемпионата.

Когда-то «Крылышки» приехали в Горький на матч, как на тренировку. Время это прошло. Даже Николай Пучков, приехав в Горький не как вратарь, а как тренер ЦСКА, сказал, что теперь и восьмикратным чемпионом страны на горьковском льду шутить не дозволено.

Задача у «Торпедо» была чрезвычайно сложной. Никогда прежде торпедовцам не удавалось заставить «Крылья Советов» покинуть после матча лед с опущенными крыльями. Никогда прежде никому из «нестолычных» команд не удавалось закрыть путь на пьедестал почета московским асам.

Но и на этот раз трудный экзамен был сдан на отлично. «Торпедо» вошло на «серебряную орбиту» чемпионата! И этот величайший полет на «хоккейный Олимп» стал самой большой сенсацией XV чемпионата страны, а поменьше, и всех предыдущих четырнадцати чемпионатов, которые помнит история нашего хоккея.

Кто же он, эти славные хоккеисты из города Горького? Сегодня мы знакомим с ними читателей «Смены».

Виктор Коноваленко.

Герой своей книги Антона Мандидова писатель Лев Касилья назвал вратарем республики. Если бы Лев Касилья писал не о футболе, а о хоккее, то автозаводского слесаря Витора КОНОВАЛЕНКО он должен был бы назвать вратарем страны. Он был в составе сборной страны на чемпионате мира в Швейцарии. Это его начало после матча с «Крылышками» друзья. Это он не раз спасал ворота «Торпедо» от верхних шагов. Художник Валерий Дмитриев очень удачно нарисовал в своем дружеском шарже вратаря горьковчан.

НА СЕРЕБРЯНОЙ ОРБИТЕ

М. МАРИН

Фото мастера спорта Дм. ЛЮПИНА.

Десять лет играет Игорь ШИЧНОВ в горьковском «Торпедо». Пятидесятый чемпионат страны был юбилейным для капитана топорельцев — это был его десятый сезон. В тридцать лет хоккеист выходит, так сказать, на финишную прямую. Игорь сумел сделать на этой прямой замечательный рывок. Во всех решающих матчах тауринный отомлет хонейных сражений капитан вел свое командо вперед. И когда решалась судьба серебряных медалей, победный замах сделал он. Игорь первым замер над воротами «Крыльев Советов», ирисный сигнал бедствия, когда на льду разыгралась хонейная буря.

Игорь Шичнов.

Лев Халачев.

Роберт Сахаровский.

Своей игрой он оправдывает свое имя. Зовут его Лев. Фамилия ХАЛАЧЕВ. Он правая рука капитана команды — его помощник. На поле Лев и Игорь августа почти не бьются — они играют в разных тройках. «Торпедо», которой дирижирует Лев Халачев, — боевая тройка «Торпедо». Обстреливаемая в упорных сражениях на американском льду, она в чемпионате принесла немало огорчений зрителям и много счастливых минут болельщикам горьковского «Торпедо».

Владимир Солодов.

Игорь Чистовский.

Юрий Потехов.

В день своего двадцатипятилетия комсомольский вождь команды ВЛАДИМИР СОЛДОВ получил от своих друзей дорогой подарок. Игорь приобрел для него вместе с миминингом. Этих подарком была серебряная медаль, одна из тех, которую топорельцы завоевали своей победой над «Крыльями Советов». Три года назад технолог Горьковского автозавода представлял горьковский хоккей на канадском льду. Солодов был первым посланником топорельцев в сборной страны. В Америке Владимир тогда не поехал. «Ненюга», — сказал он, получив приглашение играть в молодежной сборной, которая улетала в Соединенные Штаты. — у меня сессия». Студент вечернего политехнического института Владимир Солодов отлично защищает курсовые проекты. Там же отлично он защищает и ворота «Торпедо».

Валерий Норманов.

Анатолий Дубинин.

Владимир Кудрашов.

Когда не надеты хонейные досочки, этот высокий парень бывает очень застенчивым и молчаливым. Но стоит ему выгнать на лед, и вратарь портится лапшой. Игорь ЧИСТОВСКИЙ — у меня сессия». Молодежь слесари Горьковского автозавода только знают лет. И хотя его шабаны говорят о многом, своего слова в хоккее Чистовский еще не сказал. И как знать, не сиянет ли он его на Олимпиаде 1964 года?

Первой спортивной признательностью Владимира КУДРИШОВА был велосипед. Но он «взломал» ему. Володя стал хоккеистом. Вместе со своими друзьями по команде Володя стойко оборонял ворота горьковского «Торпедо».

У защитника Валерия НОРМАНОВА нелегкие нервы и олимпийское спокойствие. Они не раз помогали ему во время хонейных битв отражать атаки соперников. Но на льду Валерий спонен, пожалуй, лишь внешне. А сейчас он уходит с поля действительно со спокойной совестью: очередная атака отбита, можно немного и отдохнуть.

Дирижирует дружным ансамблем горьковских топорельцев Дмитрий БОГИНОВ — хозяин удостоверения № 1 заслуженного тренера РСФСР.

У ЮРИ ПОТЕХОВА и Игоря Чистовского одинаковые специальности. Оба слесари — оба грозные нападающие. Юрия называют «результативным Потеховым». И если это так, то и ХУ чемпионате он набрал только первоначальную скорость. Значит, скоро мы сможем увидеть на молодежной небосводе новую звезду. Болельщики Москвы и Стогольма уверенно делают эти прогнозы.

В семье ДУБИНИНЫХ много спортивных трофеев. Есть среди них и серебряная медаль призера чемпионата Европы по гребле, с которой вернулся домой, на автозавод, Павел Дубинин. Его младший брат — Анатолий — сумел пополнить коллекцию, прибавив и медальку улетала в свою хонейную.

ДОРОГАЯ РЕДАКЦИЯ!

Расскажите, пожалуйста, на страницах своего журнала о композителе А. Пахмутовой. Расскажите, над чем она сейчас работает и, если можно, напечатайте ее новую песню.

Виктор КОТКОВСКИЙ

г. Дзержинск, Карагандинской области.

«МЕНЯ МОЕ СЕРДЦЕ В ТРЕВОЖНУЮ ДАЛЬ ЗОВЕТ...»

Мы встретились с ней в Доме композиторов и потом долго бродили по осенней Москве. Моросил дождь, лакируя асфальт мостовых и тротуаров, бросая под ноги прохладные золотые листья. Мы ходили по старым московским переулкам, тихим, как этот дождь, и таким близким...

Родные места, но сколько людей покинули их, уехав отсюда на стройки, за тысячами километров! Аля вспоминает о своей поездке на строительство Сталинградской ГЭС. Там были москвичи из этих вот живописнейших и vibrantных переулков.

— Интересные люди растут сейчас, особенно на стройках. Эпоха не на такая, что молодежь стала раньше взрослеть, мучать. И нам, композиторам, литераторам, художникам, надо непременно написать о тех, кто строит эту эпоху. Вот почему для меня главная тема — современность, а мой главный герой — молодежь.

Она говорит влюбленно, удивленно и с нежностью, и все ее маленькая, ладная фигурка необыкновенно динамична, точно подчинена внутреннему ритму.

Аля Пахмутова — человек широких, разносторонних интересов: она много читает, следит за новинками научной и художественной литературы, любит стихи, язык, шахматы, футбол. Она по-настоящему наша современница. Очень гордо видит она своего сверстника, знает, чем он живет и что в его жизни главное. Она видела, как этот сверстник ушел из своего родного старого дома, чтобы построить новый го-

род в тайге. Она восторгалась четкими линиями здания нососером, грозным шумом водопада Сталинградской ГЭС. Она помнила: это новая красота, красота в ее современном выражении. Так у нее рождалась музыка — торжествующая, радостная, современная.

Вспомните ее песни, принесшие автору популярность, особенно среди молодежи: «Надо мечтать», «Песня о верном друге», «Машинист», «Марш девушек», «Геолог», «Песня о тревожной молодости». Эти песни мужественны, гражданственны. Они — о наших днях, о наших стройках. Но не навязаны, не сюжеты и не технические новшества определяют современность музыки, а то, насколько она способна передать правду нашего времени, ее ритм, динамику, насколько она ясна и доступна народу. Музыка Александры Пахмутовой целиком отвечает этим требованиям.

Вот почему в наши дни Александры Пахмутова считается популярным молодежным, комсомольским композитором.

Ее жизнь — пример необычайной настойчивости, требовательности к себе. Аля начала играть на рояле с трех лет. В пять лет она сочинила первую музыкальную пьесу. В тринадцать лет она едет из Караганды, куда эвакуировалась семья в годы войны, в Москву, чтобы по-настоящему учиться музыке. Трудно было тринадцатилетней девочке жить одной, без родителей, в незнакомом городе, да еще в тревожные военные годы. Она играла целыми днями, часто «привычными» во-

скресенья и праздники. И вот Центральная музыкальная школа окончена с отличием. Потом композиторское отделение Московской консерватории. В 1954 году Александра Пахмутова кончает аспирантуру у профессора Шебалина. Тема ее диссертации — «Партитура «Руслана и Людмила»».

Она серьезно изучает музыкальное классическое наследие, осваивает народную музыку. В собственном ее творчестве чувствуется тяготение к русской народной песне с ее раздольным напевом, с мягким юмором и задумчивостью. Эти черты ее дарования наиболее ярко и полное выражение нашли в Симфонической сюите — первом значительном произведении композитора. Сюита, названная впоследствии «Русской сюзой», исполнялась на концертах в Москве, Ленинграде, Баку, Кисловодске, в городах Германской Демократической Республики. Другое крупное произведение Александры Пахмутовой — Концерт для трубы с оркестром. Эта вещь уже более углубленная, значительная по мыслям, чем Сюита.

Во многих музыкальных жанрах работает А. Пахмутова. И вполне интересно, самобытно. Она написала симфонические увертюры «Юность» и «Тюрингия», пятнадцатую кантату для чтеца и детского хора в сопровождении оркестра «Ленин — в сердце у нас», музыку к радиоспектаклям к кинофильмам «Семья Ульяновых», «По ту сторону», более сорока песен.

Недавно А. Пахмутова закончила работу над трагической сим-

фонией, в основу которой легли впечатления о наших днях, о современниках. Эту свою работу она посвятила XXII съезду КПСС. Сейчас она пишет музыку к фильму «Девчата», который ставится на «Мосфильме».

Композитору Кабаевскому, выступавшему в 1957 году на молодежном творческом пленуме, организованном Союзом советских композиторов, сказал: «Александра Пахмутова» сочинит по многим жанрам и всегда умеет точно определить свои замыслы и найти точные средства для их воплощения. У нее хороший, своеобразный мелодический дар... Слушая, например, ее песни (даже если мы не знаем их заглавия и не расслышали ни одного слова текста), мы по самой музыке всегда определим... их содержание, тему. А такая конкретность музыкальных образов — явление не только одаренности автора, но и его мастерства».

Сотни писем получает Аля с короткими адресом: «Москва, композитору Алексавдре Пахмутовой». В письмах, пришедших со всех концов страны и из-за рубежа, — слова горячей благодарности за хорошую музыку. Вот письмо из Кривого Рога, со строкой: «Нам очень нравится Ваша музыка, такая лирическая, сурово-боевая и ободрающая... С Вашими «Геологами» нам будет легче и добрее трудиться, радостнее жить».

Эта встреча произошла на читательской конференции журнала «Смена» летом, в День советской молодежи в Московском парке культуры и отдыха имени Горького. То-

гда мы, участники этой встречи, еще раз почувствовали, что значит массовая любовь к песням, что значит популярный молодежный композитор. Двое молодых исполнителей на сцене леги:

Забота у нас простая,
Забота наша такая —
Имена бы страна родная,
И чету друзей забот...

Аудитория под открытым небом росла с каждой минутой. Узнав, что аккомпанировала певцам автор песни, композитор Александра Пахмутова, слушатели наградили ее громкими аплодисментами. Потом настойчиво потребовали, чтобы она рассказала о себе, исполнила свои новые песни.

Александра Пахмутова часто встречается с молодежью на заводах, в колхозах, в студенческих общежитиях, чуть ли не прислушивается к ее реакции на музыку. Недавно самодеятельный коллектив московского завода «Стан-

колит» подготовил программу, целиком составленную из песен А. Пахмутовой. На вечер ребята пригласили своего любимого композитора. Для рассказывания мне об этом слушл несколько дней с радостным волнением:

— Когда я встречался с такими умными, трудолюбивыми людьми, мне больше и стыдно становится за то, что мы, люди искусства, иногда создаем неглубокие, фальшивые произведения. Именно такие герои современные, анахроничны, правдивы. Писать о них трудно, но радостно...

Можно быть уверенным, что Александра Пахмутова не изменит правде жизни, что в ее музыке не будет фальшивых, ложных нот, потому что творчество всекого художника определяется прежде всего его отношением к жизни. Доброго пути, верных поисков молодому композитору!

Л. ВАСИЛЬЕВА

ГОДЫ СЧАСТЬЯ И ВЕСНЫ

(Марш студентов)

Слова С. ГРЕБЕННИКОВА
и Н. ДОБРОНРАВОВА

Музыка А. ПАХМУТОВОЙ.

В темпе марша

Ним огромный мир доверен...
Жизнь в тебе как влюбленный!
Мы распахиваем двери
В годы счастья и весны.

В шумных буднях общежитий
Мир в ажурочет и кишет...
Сколько радостей открытий,
Замечательных открытий
Сделать юным предстоит!

Припев:

Пусть станет сказочной легендой
Жизнь влюбленных в науку людей!
В ваших руках, студенты,

В наших умах, студенты,
Мудрость грядущих дней,
Грядущих светлых дней!

И творцы и летописцы
Мы истории самой.
Нашим плавам удивится
Весь огромный шар земной.

К небесам необозримым
Мы в ракетах улетаем...
Имена своих любимых,
Имена своих любимых
Дальним звездам раздадим!

Припев.

САМЫЙ

необычный и пока что единственный в мире магазин открыт недавно в Лондоне. Это магазин «метрополины». В его витринах выставлены ежесекундно меняющиеся синоптические карты всей Англии. Специальную и точную информацию, как также справны по вопросам синоптики и прогнозы можно получить в самом магазине у высококвалифицированных специалистов. Разумеется, за определенную плату...

САМЫЙ

древний ковер хранится в Ленинградском Эрмитаже. По мнению археологов, «возраст» этого ковра составляет не менее двух с половиной тысяч лет. Его нашли при раскопках одного из каменных курганов в Горном Алтае. Под курганами были закопаны вонючие шотландские племена, живших в V—IV веках до нашей эры. Тканый ковер томашской работы имеет сложнейший бархатистый узор. Размер ковра — четыре квадратных метра.

САМЫЕ

ведомые олени — белой масти — водятся лишь в окрестностях чешского городка Часлав. Родина белых оленей — Индия, откуда их и привезли в Чехию более ста лет назад. Однако в конце прошлого века среди индийских белых оленей распространилась какая-то эпидемия, и редкие по красоте животные умерли. Таинным образом, чешским городом остался единственным местом обитания динонвных зверей...

САМЫЕ

уникальные шахматы, согласно древней индийской преданию, имел некий магараджа. Фигуры шахмат были сделаны из хрусталя, и каждая из них представляла собой небольшой сосуд, наполненный вином, причем разные фигуры содержали вина разных сортов. Было принято, что после потери игровой фигурки игрок сдавал содержимое влотой фигурки-бутылочки. Нередко слуги уносили заснувшего до опьянения, так и не успевших довести партию до конца и магараджу и его партнеров...

САМОЕ

удивительное учебное заведение — «Университет сыров» — существует в Швейцарии. Там готовят высококвалифицированных сыроваров. После окончания «университета» выпускники получают соответствующий диплом. Очень много специалистов, закончивших этот своеобразный вуз, получают назначение за границу, где они умножают славу известного швейцарского сыра...

САМОЙ

древней газетой мира является китайская газета «Юнгань», выходящая без перерыва с 1050 года. Сохранился весь комплект газеты. Любопытно, что само слово «газета» значительно моложе: впервые это прозвище дали венецианцы итальянскому городу Венеция. Там начали издавать (и продолжают издавать по сей день) «Газет ди Венеция», которая стоила два солда, или одну газету (денежная единица). Венецианская денежная единица давно отмерла, но само слово «газета», получившее новое значение, прочно живет во многих европейских языках.

Собрал С. ФРОЛОВ.

После выступления «Смены»

ЕЩЕ РАЗ О ЛОДКЕ ПОСЫЛКОЙ

По просьбе многочисленных любителей водно-моторного спорта и туризма сообщаем некоторые дополнительные данные о лодке МК-29.

Интер-посылка представляет собой комплект деталей и отделочных материалов, выполненных на дереве и водостойкой фанере марки ФФ. Длина катера — 412 сантиметра, ширина — 150 сантиметров, высота борта на миделе — 55 сантиметров, осадка — 15 сантиметров. Дальность плавания — около 70 километров. Катер вмещает четырех человек. Скорость хода с мотором «Москвич» с одним человеком на борту — 31 километр в час, и с четырьмя — 18 километров в час. Комплекты будут продаваться в магазинах Культурга. Примерная стоимость комплекта деталей — около 100 рублей. Согласно уточненным сведениям, выпуск катера МК-29 запланирован на 1962 год.

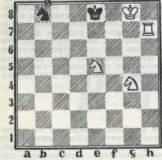
(ДЕСЯТЫЙ ТУР)

ВИКТОРИНА

В заключительном, десятом разделе нашей Олимпиады участники предостоят ответить на десять вопросов шахматной викторины. Максимально возможное количество баллов в этом туре, как и в предыдущих, — 20. Крайний срок отправления писем на десятый тур Олимпиады — 1 декабря с. г. (по почтовому штемпелю).

1. Когда в Москве проходили первый матч-реванш на мировое шахматное первенство? Назовите имена участников этого единоборства и укажите его результат.

2. На диаграмме вы видите излюбленную миниатюру, автором которой является отнюдь не шахматный композитор, а... один из выдающихся писателей прошлого столетия.

Каким образом решается эта задача (условие — белые начинают и дают мат в три хода) и кто ее автор?

3. Кто написал книгу «Путтино, или Странствующий рыцарь», и какому замечательному шахматисту эпохи Возрождения она посвящена?

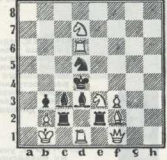
4. Кто из русских шахматных композиторов зарубежные коллеги называли «шахматным Гейне», отдавая дань его замечательному художественному творчеству? Попробуйте решить одну из его задач, в истории белых, начиная, дают мат в четыре хода.

5. В регламенте одного из международных турниров действовало довольно любопытное (хотя и весьма спорное) правило, согласно которому в случае ничьей обами партнерам засчитывалось по 1/4 очка, и они обязаны были играть друг с другом вторую партию. Ее

победитель получал еще 1/4 очка и, таким образом, всего завоевывал 3/4 очка. У проигравшего же вторую партию в турнирной графе оставалась 1/4 очка. Если же вторая партия тоже сошлась к ничьей, то оба противника получали еще по 1/4 очка, то есть всего за обе партии по 1/2 очка каждый. Когда и где состоялся этот турнир и кто был его победителем?

6. Какой русский шахматный мастер составил оригинальную задачу, названную им «Монумент изобретателю шахматной игры»?

Обратный мат в четыре хода (белые начинают и заставляют черных четвертым ходом дать мат Белому королю). Этой композиции, которую мы предлагаем решить читателям, автор предпослал ясные стихотворные строки:

Игры — глубоко интелесной,
Как сонет, так свод небесный,
Тысячелетней и живон —
Изобретатель неизвестный
Увенчан славою мировой!

7. Каким дебютом начинался (в обязательном порядке) все партии международного турнира 1903 года в Вене? Нову на этот составленный достался первый приз!

8. Какие официальные матчи на мировом шахматном первенстве игрались в столице Иубы Гаване?

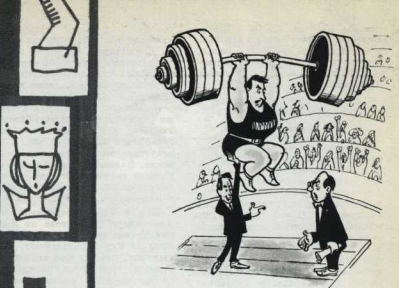
9. Финал выглядел необычайно красиво.

В этом положении последовало:
24... Фh2 + 25 Kрf1 C1 + 26. Фh
Фf2 + 27. Крg1 C2 + 28. Крh1
Кf1 29. К + f4 C4 + 30. Крg1 C2 +
31. Крh1 Фf3 + 1 32. Кр + h2 Fe2
33. Фc3 Л e3 34. Фc3 Фf3 +
35. Крg2 Фe3, и черные легко добились победы.

Ито, когда и на каком турнире выиграл эту чудесную шахматную партию, удостоившую специального приза «за красоту игры»?

10. Когда и за что присуждалось первое «абсолютный чемпион СССР по шахматам»? Кто был обладателем такого титула?

— Я хочу, чтобы все лучше видели это феноменальное достижение.

Рисунок Ю. Манарено.

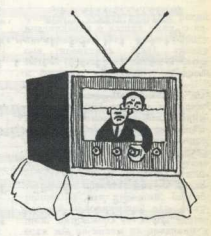

Рисунок Е. Шоолова.

Первая страница обложки: Машинист экскаватора Виктор Ратвинич — один из тех, кто распахивает двери и несметным соперникам Сербайского гуданца.
Фото В. САККА.
Четвертая страница обложки: Фотогюк В. ТЮННЕЛЯ.

ПИШИТЕ НАМ ПО АДРЕСУ:
Москва, Б-66, Спартаковская, 2-а
ЗВОНИТЕ ПО ТЕЛЕФОНАМ:
Коммутатор в 1-70-20.
Для справок — доб. 2-42; литература и искусства — доб. 2-15; очерки и публицистика — доб. 3-52; мемуары и публицистика — доб. 3-21; физкультуры и спорта — доб. 3-44; юмора и сатиры — доб. 4-79; писем — доб. 2-53; науки и техники — в 7-65-82; информации — в 7-65-82; оформления — в 7-51-32.

Главный редактор А. В. Никонов.
Редакторы: Ю. М. Верченко, Е. А. Домоладский, С. В. Егоров (ответственный секретарь), В. А. Кочетов, В. Л. Разуминых (заместитель главного редактора), Е. М. Рубинов, А. А. Сокин, Б. М. Степанов.

Рукописи не возвращаются.

Художественный редактор А. Стуков.
Оформление В. Соколова.
Технический редактор Н. Вудин и н. а.
А 06168. Подписано и печати 19/Х 1961 г.
Тираж 800 000 экз. Изд. № 1955.
Знак № 2457. Формат бумаги 70X108/16.
2 б. л. — 5,48 п. м.

Орден Ленина типография газеты «Правда» имени И. В. Сталина. Москва, ул. «Правды», 24.

К Медведю-медику пришел Енот лечиться:
«Ох, как болит бедро и ноет поясница!»
Топтагины заключил, взломал Еноту в рот:
«Сосите лапу — все пройдет!»

Прислал П. Огнев
(г. Омск).

ОЧКОВИРАТЕЛЬ

Согнав с себя ЧЕТЫРЕ пата,
Сдал предполкоза ТРИ отчета,
Удачно стер очки он ДЕЛАНДЫ
И за последний снял ОДНАЖДЫ.

Прислал М. Богуславский
(г. Запорожье).

Гонг
Рисунок В. Черникова.

ШУТКИ-МАЛЮТКИ

В бане установили три крапа. Один — для холодной воды, второй — для горячей, а третий — для того, чтобы можно было смыть мыло, когда воды не будет.

Человек впервые попал под машину и абсолютно не знал, как себя вести.

Жена сделала из мужа иллюстрацию к сессийной драме.

Прислал А. Васеринс (г. Харьков).

«Последняя... и бросаю курить!»

Рисунок Ю. Соляина.
(г. Лагодехи).

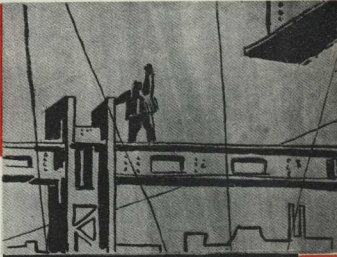
Если тебя интересуют новые очерки, рассказы, повести, стихи советских и зарубежных писателей и поэтов,—

Если ты хочешь знать о том, как живет и трудится молодежь нашей страны,—

ВЫПИШИ
СЕБЕ
ЖУРНАЛ

СМЕНА

НА 1962 ГОД

«Смена» выходит 2 раза в месяц.
Подписная цена на год—4 р. 80 к.,
на 6 месяцев—2 р. 40 к.

Если тебя интересуют вопросы морали, искусства, культуры и быта,—

Подписка на журнал «Смена» проводится в любом отделении «Союзпечати», в конторе или отделении связи, у общественных распространителей печати на предприятиях.

Ilona Bonaparte 2012